

МИФЫ И ЛЕГЕНДЫ НАРОДОВ МИРА

А.И. Немировский

ДРЕВНЯЯ ИНДИЯ

Александр Иосифович Немировский
Древняя Индия
Серия «Мифы и легенды
народов мира (Вече)»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63615108
Древняя Индия / А.И. Немировский: Вече; Москва; 2020
ISBN 978-5-4484-8485-8

Аннотация

Мифология Древней Индии составляет необходимый и важнейший элемент ее богатой и самобытной духовной культуры, наследие которой не утратило для нас живой интерес и поныне. Памятники древней литературы и искусства Индии невозможно понять, не зная ее мифологии. Мифологические представления древних индийцев не только отразились в санскритской литературе, но продолжали питать духовную жизнь народа на протяжении веков, вплоть до наших дней, и распространились за пределы Индии, вошли в литературу и искусство стран Востока, воспринявших влияние индийской культуры.

Настоящее издание – это попытка дать возможность читателю в наиболее полном, литературном изложении ознакомиться

с мифами, легендами и сказаниями одной из древнейших цивилизаций мира.

Содержание

Откуда пошел, как был организован и защищен мир	7
Кому ведома тайна[1]	10
Вначале было яйцо	13
Вначале был Пуруша[15]	20
Вначале был Праджапати	22
Вначале было солнце[24]	25
Речь[27]	27
Где это было?[30]	29
День и ночь	30
Происхождение смерти[36]	32
Бегство и возвращение Агни[39]	35
Буян Химаваты	38
Наказание Дьяуса[51]	42
Восемь Васу	44
Деяния Индры	47
Обитель бессмертных	55
Напиток богов	57
Противостояние	59
Трипура	61
Богиня Кали и Махиши	66
Укрепление земли	70
Рождение Будхи	72

Ушанас и Прахлада	74
Ушанас и Яяти	78
Сунда и Апасунда	84
Выпивший море[65]	89
Великое пополнение	92
Воплощения Вишну	92
Конец ознакомительного фрагмента.	97

Александр Немировский

Древняя Индия

© Немировский А.И., наследники, 2018

© ООО «Издательство «Вече», 2020

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2020

Сайт издательства www.veche.ru

*** * ***

Откуда пошел, как был организован и защищен мир

Из необозримого числа вопросов, неизбежно встававших перед людьми, как фантом, еще в глубокой древности, наиболее жгучими и волнующими были те, которые касались происхождения и устройства Вселенной, равно как и возникновения рода человеческого, столь непохожего на мир иных живых существ. В донаучную эпоху в распоряжении человека могли быть только мысль и воображение, непосредственное наблюдение и возможность сопоставления разного рода природных явлений. Постепенно выводы, к которым приходили человеческие поколения относительно происхождения мира, приобрели форму мифов. Их, используя греческий термин «космос», принято называть космогоническими.

Древнейшие космогонические мифы индоарьев сохранились в ведах и восходят к представлениям о мироздании, сложившимся у индоевропейцев. «Действующие лица» индоевропейской космогонии, как и у многих других народов, — это Небо, Земля, Небесные светила, Водная и Воздушная стихии. Им в обликах богов приписывалась сверхъестественная творческая мощь, с загадочным проявлением которой люди сталкивались на каждом шагу. Все они мыслились

владыками определенным образом упорядоченного ими же пространства и времени и создателями еще в незапамятные времена всего природного мира, включая и мыслящее существо — человека.

В индийских космогонических мифах явственней и ярче, чем в каких-либо других, формируется первоначальная форма логического мышления, уводящая человеческий ум от конкретного к абстрактному и направляющая его к выявлению скрытых от непосредственного наблюдения связей между человеком и миром, в котором он живет, и стоящими за этим миром могущественными силами. Этим силам, еще до создания ими человека, не было чуждо ничто человеческое — тщеславие, любовь, ненависть, коварство, но, разумеется, в масштабах, сопоставимых лишь с космическими величинами.

На почве Индии космогонические представления арьев претерпевали изменения, продиктованные как уникальностью географической и климатической среды этой страны с ее непостижимым богатством и пестротой фауны и флоры, так и развитием научных знаний. У богов-творцов появились противники, воплощавшие могущественные природные силы Индии в виде непроходимых лесов, избыточно полноводных рек, труднодоступных гор. В поздних космогонических мифах все явственнее ощущаются не только мощь индийской природы, ее необычайное разнообразие, но и напряженность духовных и религиозных исканий, прони-

занных неотделимым от них духом восточной мудрости.

Кому ведома тайна¹

В едином и Изначальном не было ни Сата, ни Асата². Не было и воздушного пространства с широко распростершимся сводом между ними. Что же тогда все покрывало? Что перемещалось туда и сюда? Где? Под чьей защитой? Что за вода была, – бездонная, глубокая?³

Не было тогда ни смерти, ни бессмертия. Не было ничего, что отличало бы день от ночи. Единое, никем не одухотво-

¹ Это самое раннее описание создания мира, даваемое в ведах, является в то же время наиболее отвлеченным. Не упоминается ни один бог или иной мифологический персонаж. Автор гимна отказывается от каких-либо твердых суждений. Таким образом, общераспространенное мнение, что абстракции чужды первобытному мышлению, опровергается этим текстом.

² Асат («не-сущее») – вселенная, глубинная сфера мира, где нет света и тепла. Сат («суть», «сущее») – вселенная, состоящая из трех миров, включая обиталище богов.

³ Слова «бездонная и глубокая» могут быть отнесены и к мысли певца, достойного занять место среди семи мудрецов. Заданные вопросы остались без ответа, но высказано то самое сокровенное, что волнует каждого мыслящего человека, верующего и неверующего: как бытие могло возникнуть из небытия. Естественное сомнение в возможности этого перехода рождает категорию вождедения, которой найдены великолепные параллели – «семя мыслей», «сила жара». Они так же, как, казалось бы, немотивированное появление «бездонной и глубокой воды», сами по себе выводят гимн из философской абстракции в мир высокой поэзии. Но ведь остаются еще не передаваемые при переводе средства – звуки: в гимне, согласно Т.Я. Елизаренковой, присутствует несколько переплетающихся друг с другом звуковых тем. Одна из них, наполняющая первую строку, определяется глаголом *as* (быть).

ренное, не колебля воздуха, дышало по собственному закону, и не было ничего иного, кроме него. Вначале мрак был сокрыт мраком. Единственное жизненное начало было порождено силой жара в пустоте и в ней пребывало.

Но на него снизошло вожделение, и стало оно первым семенем мысли. Происхождение Сата из Асата открыли мудрецы, обратившись мыслью к сердцу своему. И отделили они Сат от Асата, протянув между ними шнур. Где же был низ, а где верх? Что было оплодотворено и что возросло? Рывок внизу, насыщение – наверху.

Кому ведома тайна происхождения и кто ее провозгласит? Откуда это творение? Сотворенный мир породил богов. Но кто же знает, откуда и как он возник? Само или нет возникло это творение? Было или не было оно сотворено? Знает лишь Всезрящий на высшем небе. Или это неведомо и ему?⁴

⁴ Вожделение, лежащее у истоков возникновения мира, тайны, сокрытой не только от людей, но и богов, имеет явную параллель в Эросе гесиодовской космогонической системы, где Эрос – одно из четырех космических первоначал, необоримая сила влечения, существующая в мировом пространстве как непреложный закон (Theog., 120 и сл.). Эта сила приводит в движение и бесформенный, неопределенный в своих размерах Хаос (персонификацию разверстого пространства, близкого по сути ведийскому Асат) и Землю. Хаос производит женское начало – Ночь и мужское начало – Мрак. Этот вполне конкретный образ Ночи и Мрака греческой мифологии в индийской религиозно-философской концепции, отдающей предпочтение тайному знанию и до конца не раскрывающей того, что требует толкования и осмысления с помощью мудреца-учителя, имеет параллель в том рывке (или порыве) внизу и насыщении (удовлетворении) наверху, которые текст гимна связывает с оплодотворением и возрастанием. Невозможно однозначно ответить на вопрос, чем объясняется совпадение в двух миро-

воззрениях идеи взаимного влечения, лежащей в основе творения. Однако нельзя игнорировать тот факт, что схема Гесиода складывалась под влиянием восточного, точнее, малоазийского мира, того самого малоазийского мира, куда устремился западный поток движения индоарьев (вспомним общность ряда богов, в том числе таких значимых, как Митра и Варуна, в индийской и хеттской религиях).

Вначале было яйцо

Вначале были только воды, неоглядное море вод⁵. И овладело ими желание творить. Они столкнулись, и запылал жар, отчего возникло золотое яйцо.

Не существовало тогда точного времени, и плавало яйцо так долго, как долго длился год. И за время этого года появилось в яйце живое существо. Это был Праджапати⁶. И если женщина, корова, кобылица производят жизнь в течение го-

⁵ Концепция изначальных вод, несущих в себе семя жизни на земле, разрабатывается ведическими певцами во множестве мифов. Возникновение земли в водах рассматривается как результат процесса уплотнения – из изначальных вод путем пахтанья возникает бессмертие для вершителя мира богов. Согласно одной из версий мифов, создателем земли был кабан, принесший на рыле грязь со дна вод. В изложенном мифе воды рассматриваются как среда, вырастившая золотое яйцо, которое предшествует появлению Праджапати – первого бога первоначального, еще не разделенного мира. В более поздних пересказах этого мифа он заменяется Брахмой.

⁶ Представление о мировом яйце, из которого возникла вселенная, присуще многим мифологиям. Вспомним египетский миф о происхождении мира из яйца, снесенного птицей «великий Гоготун». Значительна роль яйца в погребальных обрядах этрусков (на фресках покойный часто изображался с яйцом в руке), а также место яйца в праздниках плодородия у восточных славян. Итак, вначале существовали лишь неразделимые воды. И чудесным образом выявило себя желание – Эрос. Появилось золотое яйцо с эмбрионом внутри, давшее жизнь Праджапати – демиургу, который, в свою очередь, дает существование богам и демонам, людям и животным, элементам, мирам, мощи и т. д. И все эти следующие друг за другом творения появляются благодаря творческому жару (tapas), усилию (ритуальному) и слову в виде гимнов вед.

да, последовавшего за зачатием, то это потому, что Праджапати родился в течение года, последовавшего за появлением золотого яйца.

Он взломал его скорлупу, но, поскольку не было никакой точки опоры, золотое яйцо долго еще колебалось во мраке, пока длился год. И возникло в течение этого года у Праджапати желание что-нибудь произнести. И он испустил звук «Бхур» – и появилась Земля, «Бхувас» – и появилось Пространство, «Сувар!»⁷ – и появилось Небо.

И если верно то, что у ребенка возникает потребность говорить в течение года вслед за рождением, то это потому, что Праджапати заговорил в течение этого года. И если ребенок, впервые заговорив, произносит лишь слова, состоящие из одного или двух слогов, то это потому, что Праджапати, впервые заговорив, произнес слова лишь из одного и двух слогов. Из пяти слогов, которые он произнес, сотворилось также пять сезонов⁸ – и именно поэтому сезонов существует пять.

На протяжении года Праджапати выпрямился и встал на ноги, чтобы утвердиться в созданных им мирах. И если ребенок в течение года желает встать на ноги, то это потому, что подняться на ноги захотел в течение года Праджапати.

⁷ Это литургические восклицания, мыслимые как олицетворения трех миров – Земли, Промежуточного пространства и Неба.

⁸ Сезонов четыре. Пятый – это время дождей между летом и осенью. Весна – март-апрель. Лето – май-июнь. Дожди – июль-август. Осень – сентябрь-октябрь. Зима – ноябрь-декабрь. Изморозь – январь-февраль.

Праджапати родился на тысячелетие: подобно тому как с берега реки издали виден противоположный берег, точно так же и он видел издалека противоположный берег своих лет.

Охваченный жаждой творчества, он шагал, напрягая мускулы и распевая гимны. Он вложил в свою душу творческую силу и из своего рта сотворил богов. Он создал их, чтобы заселить небо, отсюда и их название – боги⁹. И поскольку он создал их для того, чтобы заселить небо, это стало для него как свет, сияющий днем.

Затем, подув вниз, он создал асуров, чтобы заселить землю. И когда он их таким образом создал, чтобы заселить землю, они сделались для него как мрак (тьма).

И он сказал себе: «Поистине я сотворил нечто дурное, поскольку это возникло, пусть это будет для меня так, словно сделалось темно». И он поразил их злом, и они от этого перемерли. Именно поэтому нужно считать ложными рассказы или легенды, касающиеся соперничества богов и асуров: ведь Праджапати поразил асуров злом и они немедленно погибли. Именно об этом поет риши¹⁰:

⁹ Небо – div, боги – devah образованы от одного и того же корня div, выражающего идею светового излучения, испускаемого небесным сводом.

¹⁰ Пророк – и здесь и всюду этим словом переводятся риши (название, данное мифическим существам, которые имели видением гимны «Ригведы»).

Не имел ты противников, освободитель¹¹.
На сражение с тобою кто бы мог выйти?
Состязаться с тобой кто бы захотел?
Никогда ты соперников не имел.

Между тем из того, что было для него светом дня, когда он создал богов, он создал День, а из того, что было для него как мрак, когда он создал асуров, создал он Ночь. И было положено начало дню и ночи. Вот какие боги созданы Праджапати: Агни, Индра, Сома, кроме сына его Парамештхин¹².

Рождены они на тысячелетие. И как с берега реки виден издалика противоположный берег, так и боги видели издали противоположный берег своих лет.

Они шагали, напрягая мускулы и распевая гимны и делая усилие. Между тем сын Праджапати, Парамештхин, имел видение – жертвоприношение, которое должны предложить дни Полной и Новой луны. Празднуя их, он пожелал¹³: «Пусть станет для меня возможным сделаться всеми вещами в этом мире».

И стал он Водами, ибо Воды относятся ко всем вещам здесь внизу в той мере, в какой они находятся повсюду, даже в самых отдаленных местах. И в самом деле, если углубиться в любом месте на Земле, несомненно, найдешь воду. Что же

¹¹ Эпитет Индры.

¹² Ипостась Праджапати, тогда как Индра, Агни и Сома – независимые боги.

¹³ Жертвоприношение – акт, приносящий плоды. Жертвователь формулирует желание, которое должно реализовываться по мере осуществления ритуала.

касается Парамештхина, то он изливается дождем со своего верхнего местопребывания, то есть с Неба.

Когда сын его стал водами, Праджапати пожелал ¹⁴: «Пусть стану я всеми вещами в этом мире».

¹⁴ Совершающий богослужение совершает его на благо Жертвователя, имя, данное тому, кто оплачивает церемонию.

Вначале был Пуруша¹⁵

Сначала не было ничего живого, кроме первочеловека, тысячеглазого, тысячеголового, тысяченогого исполина Пуруши. Родился он от Вираджу¹⁶, которая от него родилась, и разлегся, прикрыв сушу своим необозримым туловищем спереди и сзади, не оставив на ней ни клочка пустого пространства и возвышаясь над ее поверхностью на десять пальцев. Ведь Пуруша – это вселенная, которая была и которая будет. Таково его величие.

Четверть его – все существа, три четверти, какими он возшел вверх, обрета бессмертие на небе.

Подступили к Пуруше боги, бросили его, как жертвенное животное, на солому, облили маслом, обложили дровами. Из этой жертвы, расчлененной на части, родились гимны и напевы, из нее кони родились и им подобные с двумя рядами зубов, быки родились из нее, а также козы и овцы. Его

¹⁵ Вариант сотворения мира из тела космического человека, из которого возникают элементы космической и одновременно общественной организации. Принесение человека (бога) в жертву нельзя считать спецификой индийской религии: оно присутствует и в греческой культовой практике и чаще всего связывается с культом Диониса, бога, приносящего в жертву людей и животных и принесенного в жертву.

¹⁶ Вираджу – женское начало. Происхождение мужчины от женщины, женщины от мужчины – пример космической взаимообратимости, выработанной индийской философией.

рот стал брахманом¹⁷, руки сделались раджанья, бедра – вайшьей, из ног родился шудра. Луна возникла из его души, из глаз – солнце, из уст – Индра и Агни, из дыханья – ветер, из пупа¹⁸ – воздушное пространство, из головы – небо, из ног – земля, стороны света – из уха. Так из первочеловека возникли миры.

¹⁷ Впервые в индийской литературе появляется описание варн брахманов (жрецов), раджаньи, или кшатриев (воинов), вайшья (скотоводов, земледельцев, торговцев), шудр (низшего сословия, призванного своим трудом обслуживать три первые варны). Это мифологическое объяснение происхождения варн многократно повторяется в брахманистской литературе с различными вариантами: варны произошли также из частей тела Брахмы, Вишны, реже Шивы. В «Законах Ману» люди происходят от сыновей Ману. В «Сказании о четырех веках», напротив, сообщается, что в старину люди были одинаково добродетельны и считались брахманами, но, постепенно утрачивая добродетели, попадали во все более низкие варны.

¹⁸ Пуп Пуруши – это пуп земли. Пуп играл особую роль и в других мифологиях, рассматриваясь как мировая ось или центральная мировая гора. Но ни одна из мифологий не знает возникновения из этого центра воздуха

Вначале был Праджапати

*Возвращаются ветры на круги своя,
По своим же следам идет Праджапати —
Ведь великая Рита не знает изъятий,
И в объятиях Неба ликует Земля.
И рождаются боги от Неба-отца,
И от жара любви испаряется влага,
Возвращаясь с небес благотворною Гангой,
Чтобы страстью своей ослепить мудреца,
Чтобы разумом не был наш мир обделен,
Как враждой и любовью — такой же взаимной,
Чтоб одни откровенья, рожденные гимном,
Неизменно пылали во мраке времен¹⁹*

Праджапати²⁰ в сотворенном им мире был одинок как

¹⁹ Эпиграфы без указания автора или переводчика принадлежат А.И. Немировскому.

²⁰ Праджапати («господин потомства») встает из этого и других гимнов «Ригведы» не только как главная фигура жертвоприношения, жертвователь и жертва одновременно, но и как бог вечного кругооборота природы, текущего и постоянно возвращающегося к своим истокам, и времени, бог календаря и его празднеств, отмечаемых в начале каждого нового года и сезона. В этой ипостаси у него много общего с этрусским Киленом и римским Янусом. Подобно тому как у каждого из главных богов этрусского пантеона, занимающих участки ободка печени из Пьяченцы, был свой Килен, так и свой Праджапати был у ведийского Брихаспати и затем у его восприемника индуистского Брахмы. Как воплощения их функций богов природы и вечного ее кругооборота – смены дня ночью, месяца месяцем, года годом, жизни смертью. Именно поэтому он воспринимался как

перст. И подумал он: «Как мне себя продолжить?» Напрягшись, Праджапати воспламенил свой дух и породил из своего рта Агни²¹, пожирателя пищи. Был Агни первым из богов, ведь Агни все равно что Агри, а Агри – это «первый», «стоящий спереди». Пищи же в мире, могущей прокормить Агни, не нашлось, и понял Праджапати, что Агни сожрет его. От испуга он открыл рот и выронил свою Силу, сила же его – Речь – появилась после Агни второй. Чтобы принести жертву, Праджапати потер ладонью ладонь, и они лишились волос. Продолжал тереть Праджапати ладони, пока из них не вылились жертвенное масло и молоко, но они смешались с волосами, отделившимися от ладоней. Поэтому он опрокинул эту смесь в огонь, и превратились волосы в корни и стебли растений, и мир радостно зазеленел.

Так, принеся жертву, Праджапати продлил себя и спасся от обжоры Агни. Так же и тот, кто совершает всесожжение, спасает себя от Агни, готового его сожрать, а когда человек умирает, его возлагают на огонь, сжигающий лишь тело, и он возвращается к жизни из пепла.

главный бог – так же как и у этрусков главным богом считался не Тиния, а Килен (Янус). Совершение жертвы на алтаре Праджапати или превращение в жертву его самого рассматривались как культовый акт, и в этом плане он близок к Агни в его ипостаси жертвенного огня, без которого боги не могут существовать.

²¹ Агни – в ведийской и индуистской мифологии бог огня во всем его многообразии – от домашнего очага до пламени солнца; считался посредником между людьми и богами («ближайший из богов»), поскольку переносил жертвы смертных из жертвенного костра к небожителям.

После Агни были созданы Вайю²² и Сурья²³. Они сказали: «Давайте сотворим существо, и да будет оно четвертым». Очертив место, на котором стояли, боги начали слагать песнопения. Место, очерченное ими и услышавшее гимны, стало Землей, а проведенная ими черта – Океаном.

Совершив это, боги отправились на Восток, пообещав Земле вернуться. По пути им встретилась корова, возникшая из их песнопений. Агни ее возжелал, сказав: «Да будет она мне парой!» Он излил в нее свое семя, ставшее молоком. Оно и поныне белое у любой коровы, черной или бурой, и теплое от Агни.

И решили боги попробовать это молоко, принеся его в жертву. И возник между ними спор, кому это сделать первым. Тогда они явились к Праджапати и спросили: «Кому из нас отведать это молоко первым?»

– Агни! – ответил Праджапати не думая. – Ибо Агни возродит свое семя, а с ним вместе возродитесь и вы. Вторым пусть отхлебнет Сурья, а то, что останется, пусть допьет Вайю, который всюду веет.

Выпили боги молоко и вновь обрели рождение и жизнь.

²² Вайю – ветер и бог ветра, обозначаемый как «быстрейший из богов», вихрь, отождествляемый с Агни.

²³ Сурья – в ведийской мифологии бог солнца, входящий в ведийскую триаду Агни – Индра – Сурья, глаз богов; отождествляется с Савитаром. В эпосе с Сурьей связано множество сюжетов, в которых он противник богов, грозящий испепелить их лучами, но также и демонов, и родоначальник героев.

Вначале было солнце²⁴

Земля одно время была неподвижной и бесплодной пустыней. Высились над нею голые, обожженные, не покрытые травами горы. Поэтому живые существа сильно страдали от жажды и голода. Тогда Солнечный бог, словно отец родной, проникся состраданием. Совершая оборот северным путем²⁵, он отовсюду собрал своими всепроникающими лучами водяные пары и, возвращаясь южным путем через внутренность земли, наполнил ее живительной влагой. Обернулась она полем и проросла растениями.

Наделенные шестью вкусовыми качествами – сладким, кислым, острым, соленым, горьким, вяжущим, эти растения стали пригодны для жертвы богам и для пищи всем живым существам на земле. Воистину пища, дающая жизнь, сотворена Солнечным богом, а поскольку он и есть отец всех существ, моли его о помощи, называй одним из ста восьми его священных имен²⁶, встречай ликованием как бога среди бо-

²⁴ В этом варианте мифа о творении в акте сотворения жизненной силы, лежащей в основе растений, участвуют два бога – Солнце и Сوما («Месяц»). Однако в мифе их роль неясна. Солнце – и отец, и одновременно женское начало, оплодотворяемое своим собственным жаром и превращенное в изначальный пар дождем.

²⁵ Это указание на видимый глазу оборот солнца от юга к северу и от севера к югу, в ходе которого возникают времена года.

²⁶ Далее в тексте «Махабхараты», где содержится изложение мифа, называется

гов, когда он выезжает на небо на золотой колеснице, запряженной семью рыжими кобылицами, рассекая днями ночи, обращая вспять звезды, которые разбегаются от его всевидящего ока, как застигнутые врасплох воры.

108 имен, выражающих проявления солнечного бога-творца, – Сурья, Тваштар, Пушан, Савитар, Индра, Яма и др.

Речь²⁷

*Река и речь, создал господь
И вдохновением единым,
Вас никому не побороть,
Для вашей плоти нет плотины.*

Боги так же, как и люди, поначалу могли видеть, но не умели говорить и объяснялись между собой знаками. Праджапати дал богам, а потом и людям слова²⁸, назвав их речью от реки Сарасвати, потому что слова стекаются в речь, как ручьи.

И стала Речь могущественной богиней, благосклонной к риши. Кудесник, жрец Речи был поющим и пьющим. Он пропускал Речь сквозь свое сердце и давал ей свободно течь к обиталищу небесных богов.

Была Речь женщиной, и к ней потянулись дочери богов. Первой из них была масляноногая Илу²⁹, рожденная в небес-

²⁷ В ведийских текстах нет сюжета о создании Речи, но образ Речи как творения божества присутствует во многих гимнах. Для передачи неперевожимой семантики Речи в индийских мифах мы использовали ведийский метод повторов (переключки слов или словесного эха) в русском языке.

²⁸ Согласно индийской и кельтской мифологии, у богов и людей были свои языки.

²⁹ Сарасвати, Сарью, Синдху – синонимическое обозначение реки на северо-западе субконтинента. К ней обращались певцы гимнов как к величайшему потоку,

ном океане. Илу не только ходила к Речи на водопой, но с ее помощью выиграла спор с богами.

Боги также возлюбили Речь и не уставали ее прославлять. Ближе всех к ней был Пушан. При одном приближении к Речи он распускался, как цветок, и наполнял берега пухом своих деревьев. Также и Сомы, услада пьющих, воссиявший на небесах Луной, упивался красотой Речи. Своими напевами он возбуждал у риши вдохновение, подобное тому, с которым Праджапати создал Речь.

матери, кормилице, богине. Партнерами ее в мифах считался Пушан, бог плодородия, невозможного без орошения земными или небесными водами, Маруты, боги грозных туч, Агни, Ашвины, а также женские божества Илу и Вач. С последней она была в постведийское время отождествлена. Посвященные Сарасвати гимны характеризуют культ рек, присущий многим древним народам.

Где это было?³⁰

Вишвакарман³¹, отец глаза, мудрый мыслью. Поддались ему эти два мира, как жертвенное масло, и он их породил. И он занял место, принеся в жертву эти миры. Молитвою он проник к еще не выявившимся поколениям, сокрыв первое.

Где это было? Что ему служило опорой? Как ему удалось величием и всеохватывающим взглядом распахнуть небо? Единый бог, неоглядный, тысячеликий, тысяченогий, порождает небо и землю, он сплавил все, сбил все своими крыльями. Из чего он вытесал небо и землю? Что это была за древесина? Что за дерево? О, вы, способные мыслить, узнаете ли вы, на чем он стоял, укрепляя миры? Что было вверху, что внизу, а что – в середине? О, Вишвакарман! Сам принеси в жертву свое тело и этим его укрепи!

О, Вишвакарман! Укрепи себя возлиянием, сам принеси себе в жертву землю и небо! Повелителя речи, быстрого, как мысль, и призываем сегодня, при состязании на помощь. Пусть возликует, услышав наши призывы, он, приносящий всем благо и творящий добро!

³⁰ Певец выступает на состязании, обращаясь к Вишвакармане, направителю внутреннего видения мира, с вопросами об акте творения, из которых бог предстает то как кузнец, то как плотник, с просьбой раскрыть ему свои творческие тайны и их повторить – принести себе в жертву небо и землю и отдать себя в жертву своему творению.

³¹ Вишвакарман – бог-двойник Праджапати.

День и ночь

Поначалу земля была распахнута Вивасвате³², и длился бесконечный сияющий день. Поэтому первыми появились дети Вивасваты и Саранью³³ Яма и Ями³⁴, поднявшие веки в один миг, чтобы лицезреть Солнце и под ним синий океан. Брат и сестра, близнецы, стали мужем и женой, и наполнилась земля от края до края их счастливыми голосами и смехом. От первой супружеской пары пошло потомство, привольно расселившееся по земле.

Яма и Ями были смертными, и пришло время им умереть, Яме – первому. Он был первым, кого взяла земля, а Ями оказалась первой, познавшей горе одиночества и разлуки. И небо, вместо радовавших богов голосов и смеха, заполнил разносимый ветром заунывный плач³⁵. Не стало покоя и Земле. Боги, собравшись, спустились к Ями и стали уговаривать ее успокоиться, объясняя, что исчезновение всех живущих, но не бессмертных – закон, что уйти от смерти дано только богам. Но прародительница не умолкала, продолжая причи-

³² Вивасвата – свет жизни, одно из солярных божеств.

³³ Саранью – дочь Тваштара.

³⁴ Яма и Ями соответствуют авестийским близнецам Йиме и Ймак, также ставшим первой супружеской парой.

³⁵ Плачу Ями в египетском мифе соответствует плач Исида по Осирису, в вавилонском – Иштар по Таммузу, в скандинавском – Нанны по Вайдру.

тать:

– Но ведь он умер сегодня! Только сегодня!

И на это богам нечего было возразить, ибо день рождения и день ухода, день смеха и день плача, день радости и день горя не были еще отделены друг от друга. Подумав, боги создали ночь, отделив ею свет от света, день от дня.

И появилась первая ночь. Выплыла на черное небо луна с бегущей по ней тенью зайца, засмотрелась на него вдова, успокоилась и уснула. Лишь тогда смогли смежить боги свои лотосовидные очи и наконец отдохнуть от стенаний, заполнивших все небо.

С тех пор день сменяется ночью, а ночь днем.

Происхождение смерти³⁶

Многие тысячи лет на земле не слышали о Смерти. Потомки Вивасват и другие живые существа рождались, счастливо жили, не зная греха, не умирая. Земля постепенно наполнилась до самых своих пределов людьми, и стали они ей в тягость. И взмолилась она Брахме, чтобы он избавил ее от непосильного бремени. И сел Брахма, положив голову на руку, задумавшись, как уменьшить число живущих в подвластных ему мирах, но мысль не приходила в его голову.

И как всегда в таких случаях, его объял гнев на самого себя и он вырвался из его тела со страшной силой. Запылал мир со всех концов. Страх и ужас объяли все живое, и миру грозило полное уничтожение. Никто из богов не решился приблизиться к творцу вселенной, и только бесстрашный Шива, представ перед грозным владыкой, сказал:

– Не гневайся, Прародитель, на созданных тобою тварей. Не допусти, чтобы из-за них опустела вселенная. Пусть они живут и умирают, но не иссякает их род.

Слыша это, Брахма ввернул в свое сердце животворящий

³⁶ В мифах индоевропейских народов нет единого образа Смерти. У греков и скандинавов она мужского пола, у славян, как у индийцев, женского. У греков Танатос (смерть) связан с подземным миром, где он пребывает вместе со своим собратом Гипносом («Сном»). Брахма оставляет Смерть при себе, заставляя выполнять ее функцию освобождения Земли от излишнего бремени жизни. Идея греха и наказания за него в индийской концепции смерти не развита.

пожирающий огонь. Из гнева Брахмы выступила женщина в багровом одеянии с венком из пышно цветущих лотосов на голове³⁷. Не задерживаясь, она направилась к Югу своим путем³⁸. Но Брахма ее остановил.

– Куда ты торопишься, Смерть? – сказал он ей. – У тебя в моем мире много дел. Иди и убивай живые существа. Ты возникла из моего гнева, из мысли об очищении бремени излишней жизни. Иди и истребляй неразумных и мудрых.

По мере того как Брахма вещал, лицо Смерти грустнело, а когда он кончил говорить, она разревелась, как простая женщина.

– Будь ко мне милостив, о Брахма, – проговорила она. – Каково мне будет губить ни в чем не повинные существа, разлучать близких и любящих друг друга, лишать родителей взращенных и любимых ими сыновей, отнимать у детей матерей и отцов? Ведь те, кто останется жить, проклянут меня и вечно будут меня жечь их слезы.

– Но уничтожение – это твое предназначение, госпожа, – сказал Брахма. – Ты для этого создана. Иди и действуй!

Смерть покорно наклонила голову и отправилась в путь, по назначению. Но Прародитель оказал ей милость. Слезы, которые она пролила, превратились в болезни, убивающие в положенный срок и дающие смертным время задуматься

³⁷ В индийской мифологии красный цвет ассоциировался со смертью.

³⁸ Юг во многих мифологиях ассоциировался с царством смерти, поскольку жилища бессмертных богов помещались на севере.

о смысле жизни. Поэтому на Смерти нет вины. Она госпожа справедливости, лишенная любви и ненависти, выполняющая волю Предвечного.

Бегство и возвращение Агни³⁹

*Я на смерть порожден моим сознанием,
Я ранен в сердце разумом моим,
Я неразрывен с этим мирозданием,
Я создал мир со всем его страданием,
Струя огонь, я гибну сам, как дым.*

Константин Бальмонт

Узрев золу и пепел у страшных для Агни вечных вод, боги поняли, что обманул их Агни. Опустился Варуна в свою стихию и увидел пылание тел Агни, притаившегося в прозрачной, непроницаемой для влаги оболочке⁴⁰. Агни, поняв, что его хитрость разгадана, спросил:

– Как ты нашел меня?

– По следу поленьев, служивших тебе дорогой, – ответил

³⁹ В ведийской мифологии не было бога-похитителя огня, подобного греческому Прометею, но сам божественный огонь Агни по свойственной ему подвижности скрывается от богов и возвращается, лишь добившись повышения своего статуса и увеличения доли в жертвоприношениях. Видимо, гимн X, 51 воспроизводит заключительную часть мифа о бегстве Агни и его возвращении к своим обязанностям. Агни рисуется богом, вступившим в сообщество богов позднее, чем другие боги, которых возглавляет Митра-Варуна, всеобъемлющий бог, связанный с изначальным миром, охраняющий космический закон и карающий его нарушителей.

⁴⁰ Агни избирает своим убежищем изначальные воды, поскольку это место его рождения («Атхарваведа», I, 33, 1).

Варуна.

Опустились в воды и остальные боги. Их принял Яма⁴¹, заметивший во мраке свечение тел Агни⁴² в десяти местах.

– Мы искали тебя повсюду, – проговорили боги. – Почему ты от нас бежал?

– Я боялся службы перевозчика жертв, – ответил Агни, обращаясь к Варуне. – Я не захотел быть в упряжке богов. Вот тела мои скрылись во многих местах, и у меня нет больше никаких забот.

– Иди сюда! – сказали боги все вместе. – Преданный нам человек готовится к принесению жертв, а ты пребываешь во мраке. Проложи же поленья, чтобы вернуться.

– Мне было страшно, – сказал Агни, обращаясь к Варуне. – Я еще молод, и мне тяжело быть колесничим и возить жертвы для богов. Я ушел далеко от страха, я отпрянул, как бык от лука стрелка.

– Не бойся! – сказали боги. – Мы готовим для тебя жизнь, которая не знает старения, чтобы ты, прекраснорожденный, не понес вреда в упряжке. Ведь ты должен принять на себя часть наших забот.

– Я согласен, – отозвался Агни. – Но пусть мне принадлежат безраздельно начатки и конечные части всего твердого

⁴¹ Яма в этом гимне хотя и не назван богом – не «последний из умерших», а фактически один из богов.

⁴² Это место трудно для понимания. Некоторые толкователи полагают, что речь идет о блеске тел Агни на протяжении десяти дней пути.

из приносимого в жертву, а из возлияний – доля, наделенная питательной силой, жар вод и суть растений и да будет долгим, о боги, мое бытие.

– Будут, о Агни, твоими безраздельно начатки и конечные части всего твердого из приносимого в жертву, а из возлияний – доля, наделенная питательной силой, будет, о Агни, жертва целиком твоею. Да склонятся перед тобою четыре стороны света!

И вернулся Агни, и с тех пор надежно пылает, сияет, освещает, наблюдает за всем на свете, перескакивая с места на место, правит законом, сотрясает горы, поражает тьму и болезни, проникает в глубины душ всех созданий, но никогда не входит в воды, в которых скрывался. Он дружелюбен к людям, особенно к тем, в чьих сердцах от его искр разгорается вдохновение, возвышающее их дух⁴³.

⁴³ Видимо, имеется в виду возлияние жертвенным маслом до и после жертвоприношения.

Буян Химаваты

Когда на исходе Критаюги словно бы от подземного толчка заколебалась добродетель, Брихаспати⁴⁴ решил во искупление грехов провести первое жертвоприношение по известным ему уставам. На Химават⁴⁵ были приглашены все пьющие сому и питающиеся дымом жертвенных костров во главе с Индрой, божественные риши и предки вместе с Брахмой. И прибыли они в назначенное время. К их прибытию Дакша⁴⁶ уже собрал сучья для костра и привел назначенную для заклания антилопу. Не было лишь Рудры, ибо Дакша не считал его богом, да и жил он где-то на севере, куда никто не знал пути. Узнав об этом, его супруга, добродетельная Сати⁴⁷, бросилась в костер и себя сожгла.

⁴⁴ Брихаспати («Господин молитвы») – бог-покровитель жертвоприношений и молитв. Он мыслился семиустым и стокрылым, обладателем ясного голоса, владыкой дубины грома, отпрыском двух миров, неба и земли.

⁴⁵ Химават («снежный») – персонификация Гималаев, обители ракшасов. Он считался супругом апсары Менаки.

⁴⁶ Дакша (досл. «ловкий») – в ведийской и индуистской мифологии божество класса адитьев. «Ловкость» выразилась в том, что он был рожден от адити и он же ее родил. Отцом его считался Праджapati (Брахма), но родился он от большого пальца его правой ноги. От его дочерей родились даитьи, данавы.

⁴⁷ Сати (досл. «сушая») – дочь Рудры и жена Шивы, не приглашенного на выбор мужей (сваямвару), как не был приглашен ее отец на жертвоприношение. Оскорбленная, она бросилась в священный огонь. Термин «сати» применялся к вдовам, сжигающим себя на погребальном костре супруга.

Пылая гневом, как небесный вепрь, Рудра поспешил к месту сблища богов. Он был молод, силен, быстр, неуязвим. Спутанные волосы падали на его раскрасневшееся лицо. Синяя шея вызывала ужас. Под могучей стопой быка мира, великого асуры небес, колебалась земля, дрожали горы, в низины с грохотом сыпались скалы и огромные камни, уничтожая все на своем пути, неслись снежные лавины. Изменилось течение рек.

Еще издали Рудра пустил в антилопу стрелу. Она поднялась на небо и стала созвездием с этим именем. Если при-смотреться, и теперь можно увидеть в ночном небе голову антилопы с запрокинутыми рогами и преследующего ее охотника⁴⁸.

Затем он стал затаптывать огонь и наносить увечья богам. Устрашенные буйством, в поту, боги пустились наутек, подгоняемые угрозами Рудры. Только Пушан как ни в чем не бывало уплетал жертвенное приношение. Рудра вышиб у обжоры челюсть, а у Савитара вырвал и разбросал руки.

Пришлось вмешаться Брахме. Он распорядился о выделении Рудре большей части жертвенных даров. Гнев буяна испарился столь же быстро, сколь возник. Боги стали возвращаться на Химават. У Дакши не оказалось головы. Как

⁴⁸ В поздних вариантах мифа, где Рудра заменен Шивой, антилопа выступает его противницей, посланной против него враждебными ему аскетами, и он навечно зажимает антилопу в своей руке, и она становится таким же его символом, как молния, лук и стрелы. Возможно, антилопа отражает первоначальный аспект Рудры-Шивы как божества гор, покровителя животных.

ни искали, найти ее не удалось, и пришлось ему дать голову горного козла. Рудра вставил взамен выбитых зубов золотые, и он стал улыбаться во весь рот. Савитару отыскивали золотые руки. Они пришлись ему впору.

Обретя привычный облик и успокоившись, Рудра вступил в брак с Землей, одевшейся в шкуру пятнистой коровы⁴⁹. От этого союза произошли тридцать семь воинов-богатырей Марутов (или Рудриев)⁵⁰, принятых на службу Индрой. К Рудре-«мужеубийце» обращались с молитвой – не убивать ни большого, ни малого, ни отца, ни матери, не наносить вреда телу, семени, коровам и лошадям. Но как супруг Земли, посылающий оплодотворяющий дождь, он мог мыслиться исцелителем, и его молили о даровании плодородия, о лекарствах, дарующих долгую жизнь. Таким образом, в Рудре сочетались, казалось бы, совершенно несоединимые черты. Возможно, это объяснялось тем, что он был божеством «лунарного цикла», связанным с культом плодородия и в то же время олицетворяющим идею смерти.

Будучи одним из богов вед, Рудра впоследствии сливается со сходным ему по функциям Шивой, и это в нем усиливает космические черты. В нем видят космического правителя, повелителя и творца богов, великого мудреца, создающего

⁴⁹ Женой Рудры, так же как подругой марутов, была Родаси. С нею связывают и его имя. По другой версии, они происходят от рудреветь.

⁵⁰ Отождествление марутов и рудриев вызывает сомнение. Первоначально рудриев было восемь, затем одиннадцать и тридцать три.

«золотой зародыш».

Наказание Дьяуса⁵¹

Так наряду с 11 рудрами, 12 адитьями, Дьяусом и Притхиви появились восемь Васу – дружных, близких Земле братьев-богов. Как-то они вместе с женами бродили по лесу, богатому сладкими кореньями, плодами и водой, услаждаясь на восхитительных холмах и в рощах. И там супруга Дьяуса увидела прекраснейшую корову с полным выменем, с пушистым хвостом и красивой мордой и показала ее своему супругу.

– Я давно наблюдаю за этим превосходнейшим из животных, – сказал Дьяус. – Это дочь Дакши, а пасет ее отшельник Васиштха⁵². Видишь, он сидит на опушке и насыщается. Эту еду ему дает корова, выполняющая любое желание. Тот из смертных, кто вкусит ее молока, будет жить десять тысяч лет, сохраняя юность.

– О мой супруг! – воскликнула Притхиви. – У меня есть в земном мире подруга Джанавати, совершенная по красоте. Ради нее приведи мне эту корову, ибо я хочу, чтобы Джанавати радовала мой взор десять тысяч лет.

Услышав это, Дьяус, желая сделать супруге приятное, по-

⁵¹ Дьяус – индоевропейское божество неба. Ср. лит. Диевс, греч. Дий-Зевс, лат. Deus, персонификация сияющего неба.

⁵² Васиштха – один из семи божественных мудрецов, рожден из семени богов Митры и Варуны.

хитил волшебную корову с помощью своих братьев. Васишта же, завершив трапезу, отправился к корове, но не нашел ее. Обладая всеведением, он понял, что животное похитили Васу по наущению Дьяуса. И он проклял их. Семь Васу как пособники были обречены жить среди людей год, Дьяус же обречен жить в земном мире многие столетия.

Восемь Васу

Не выветрилось из памяти певцов гимнов имя Прати́па, наделенное величайшим блеском. Носил его благочестивый царь, отказавшийся от власти ради размышлений и молитв на берегу Ганги. И сама река, им восхищенная, приняла соблазнительный женский облик богини красоты. Погруженный в размышления, Прати́па поначалу не заметил женщину, но, почувствовав жаркое прикосновение к своему правому бедру, обратил к ней лицо.

– Что я могу для тебя сделать, красавица? – спросил он ее.

– Обладай мною, о царь, – ответила Ганга, не терпящая возражений. – Я тебя полюбила, а отказ женщинам, которые полюбили, великий грех.

– Ко мне это не относится, – отозвался Прати́па. – Я дал обет не вступать в связь с женою другого или с женщиной другой варны.

– Но ведь я красива, – возразила Ганга, – и высокого происхождения. Обладай же мною, девственницей, полюбившей тебя.

– Я не нарушу обета, – сказал царь и, осененный свыше, добавил: – К тому же ты прислонилась к моему правому бедру, предназначенному для дочерей и невесток. Для возлюбленных, да будет тебе известно, оставлено левое бедро. Будь же моей невесткой, прекрасная. Я избираю для тебя моего

сына Шантану. И отправляюсь в столицу, чтобы известить его о своем решении.

Возвратившись в свое царство, Пратипа вызвал Шантану, пришедшего в возраст, и сказал ему:

– Когда я молился богам у Ганги, меня посетила женщина, чрезвычайно красивая, достойная тебя. Постарайся охотиться на берегу, и если к тебе сама подойдет женщина, не спрашивай ни о чем. Обладай ею, отдающей себя достойному.

Подчиняясь воле отца, взял Шантану лук со стрелами и направился к Ганге. Убивая антилоп и буйволов, он достиг заводи и увидел женщину, сиявшую красотой, как богиня, восседающая на лотосе. Шантану был поражен, и волоски на его теле поднялись от восторга. Женщина подошла к потерявшему дар речи Шантану и сказала ему:

– Я буду твоей послушной супругой, о хранитель Земли. Но, что бы я ни делала, доброе или недоброе, – ты не должен удерживать или осуждать меня, иначе я тебя покину.

– Хорошо! – сказал Шантану. – Мой отец уже предупредил меня, чтобы я тебя ни о чем не спрашивал. Я подчиняюсь его и твоей воле.

Так прелестная Ганга, одаренная дивной красотой, река-богиня, текущая тремя путями, сделалась женой Шантану, льва среди царей. Она услаждала его страстью, утонченными ласками, проворством и плясками. Увлеченный этим, Шантану не замечал времени и произвел семь сыновей, подобных бессмертным, но не наслаждался радостью отцовства,

ибо каждого из родившихся бросала возлюбленная Шантану в воду.

Когда же родился восьмой сын, названный Бхишмой, царь, мучимый скорбью, жаждущий иметь сына, обратился к роженице:

– Кто ты и чья, сыноубийца? Остановись, презренная!

– Я оставлю тебе этого сына, – ответила женщина. – Но, как условлено, я от тебя уйду. Зовут меня Ганга. Воды, куда я бросала новорожденных, – мое тело, дающее бессмертие. Я приняла человеческий облик, чтобы произвести на свет сыновей-богов от смертного. Ты же воспитай моего сына в благочестии, и пусть он носит еще и имя Гангадатты⁵³. Ведь он тоже бог, один из Васу.

⁵³ Этот сын, «дарованный Гангой», известен в эпосе под именем Бишмы.

Деяния Индры

Могуч разумом и силен прекраснорукий Тваштар! Не раз и не два прибегали к его благосклонности боги, будучи уверены, что какой бы ни была просьба, отказа не будет. Ведь вылепил господин всех форм для Индры, одного из сыновей Адити, золотую колесницу, запряг в нее светозарных коней, вручил ему громовую стрелу Ваджру, которой тот без промаха разил и испепелял недругов. И создал же он для него лунообразную чашу для сомы, напитка богов, заменившего Индре молоко, ибо мать не пожелала ни производить Индру на свет, ни вскармливать его божественной грудью.

Мачехой Индры стала демоница из рода асуров, злобная и завистливая, как вся ее порода. Презрев благодеяния своего супруга Тваштара, она породила сына – трехголовое чудовище Вишварупу⁵⁴, необыкновенной силы и ловкости. Одними устами он декламировал веды, другими тянул вино, через третьи набивал пищей необъятное брюхо.

Вишварупа сочувствовал матери, замышляя черную измену богам, однако готовясь перейти на их сторону в бла-

⁵⁴ Виварупа, как божество еще не разделенного мира, принадлежит к асурам, являясь одновременно пурохитой (домашним жрецом) богов. В «Брихаддевати» он подвижник, встающий на сторону асуров. Индра пытается его соблазнить красотою апсар и, ничего не добившись, отрубает все три его головы. Образ Вишварупы близок к трехглавому Гериону греческой мифологии, побежденному Гераклом.

гоприятный для этого момент. Всевидящий Индра, проведав о коварных замыслах изменника, убил его, но Тваштар, не поверив, что рожденный им сын – враг богов, пришел в ярость и принес клятву обрушить на богов месть. И создал он из сомы и пламени мстителя, первого из демонов, не-человека и не-бога, некое змееобразное существо Вритру, без рук, без ног, без плеч, с пастью, изрыгающей огонь. Заполз Вритра на гору и стал расти, разворачиваясь в девяносто колец, преграждая путь всем ручьям, рекам и потокам, стекавшим в моря, подобно мычащим коровам, бегущим к своим телятам. И все воды потекли в пасть дикого и хитрого зверя, так что он стал еще больше пухнуть и раздуваться, грозя поглотить мир и всех, кто его населяет. Земля же, лишенная влаги, стала сохнуть и трескаться. И более не поднимался к небу ее жертвенный дым, угодный богам.

Узрев это, взошел Индра на колесницу с ваджрой в правой руке и приблизился к гороподобному Вритре. На пятьсот йоджан уходил он вверх и свыше трехсот йоджан был в объёме. Такого могучего живого холма не было еще в трех мирах. И затряслись у Индры поджилки, и дал он знак колесничему отступать. Но со всех сторон устремились к Индре боги и, представ перед ним, произнесли хором:

– О Могучий! Великий! Грозный! Нестареющий! Веди нас на Вритру! Ведь ты рожден и вскормлен, чтобы побеждать. Испепели ракшаса страшной стрелой молнии.

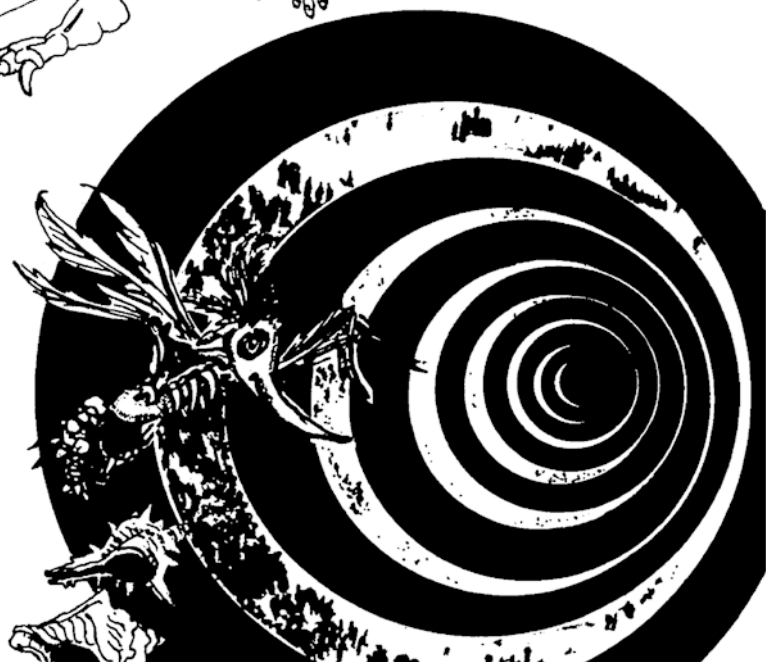
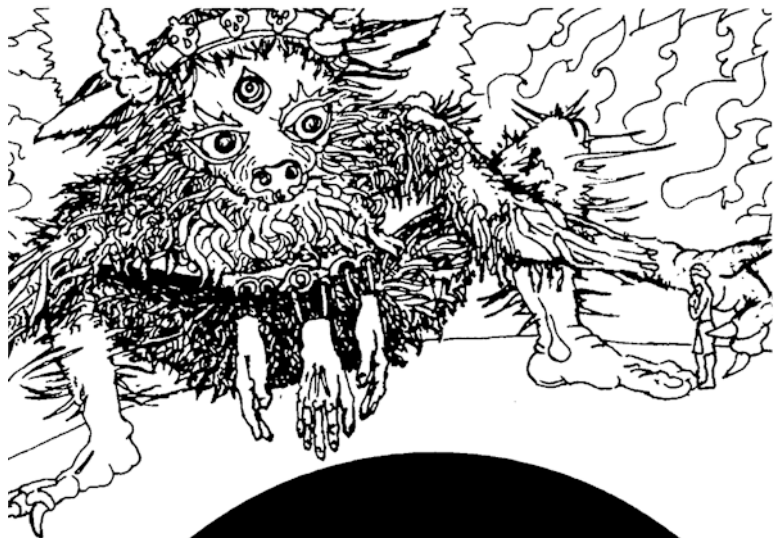
И тогда раздался рев раковин и грохот барабанов. И раз-

разилась битва.

Могуч был Индра. Но могуч был и Вритра. Приоткрыл он свою чудовищную пасть, напрягся и выпустил из себя огненный смерч. Богов смело, как кучу опавших листьев, и разнесло по ветру. Один лишь Индра удержался на ногах. Увидев это, Вритра втянул в себя воздух огромной грудью, и понесло Индру, как перышко, в чрево чудовища. Напряжение Вритры было столь велико, что, обессилев, он тотчас погрузился в сон.

Воспользовался этим Шива и наслал на Вритру через ноздри неудержимую зевоту, и Индру со страшной силой вышвырнуло наружу. Не теряя ни мгновения, Индра нанес дракону удар по затылку. Издав громкий рев, Вритра опрокинулся. Но из его тела выскочила черно-желтая устрашающая Брахмавадхья⁵⁵ и стала преследовать Индру.

⁵⁵ Брахмавадхья – смерть брахманам.

Как испуганный орел, улетел Индра на край земли и, уменьшившись в размерах, укрылся в почке лотоса. Прошло немало времени, пока Брахма отогнал смерть и извлек из почки перепуганного Индру. Укрепившись духом, Индра отправил своих слуг на разведку. Увидев издалека, что дракон недвижим, посланцы Индры пустились в пляс. Но подойти к Вритре близко они не смогли, ибо воды, плененные в чреве чудовища, по повелению Брахмы вырвались наружу и, сметая все на своем пути, потекли к своему средоточию – Океану.

С этого времени Индра, прозванный Вритроубийцей, стал править миром, подобно царю. Он охватил вселенную, как обод колеса, и ее обустроил. Он рассек пополам труп Вритры. Оставшиеся в его чреве воды образовали семь рек, и понеслись они, гремя камнями, как колесница, мыча, подобно коровам, дающим людям молоко.

* * *

Далеко-далеко на Западе, перед тем как окунуться в Океан, Солнце прощалось с Землей. Тогда его лучи превращались в коров, спускавшихся на луг у крайней из рек по имени Раса. Здесь обитали необычайно хитрые и столь же свирепые существа – пании. Как-то раз они похитили коров и препроводили их в пещеру, закрыв из нее выход скалой. Когда

Солнце вновь поднялось из мглы, оно не отыскивало своих лучей, и мир погрузился в крошечный мрак.

Индра, поняв, что это проделки пании, послал на Запад божественную собаку Сараму. И помчалась она вприпрыжку, легко находя дорогу, добежала до реки Раса, одним махом через нее перепрыгнула и уткнулась влажным черным носом в скалу, из-за которой едва доносилось жалобное мычание.

Тем временем пании вышли из своих укрытий и, сделав вид, что удивлены появлением собаки, спросили ее:

– Почему ты здесь, Сарама? Что заставило тебя проделать столь далекий и опасный путь?

– Я ищу похищенных коров, – ответило бесхитрое животное. – Меня отправил сам Индра.

– Индра? – повторили пании, переглядываясь и пожимая плечами. – Кто бы это мог быть? Как он выглядит? Почему бы ему не явиться самому? У нас как раз не хватает пастухов, и ему бы нашлась работа.

– Когда явится Индра, не быть вам живыми! – рявкнула Сарама. – Отдайте коров добром. Все равно они вам не достанутся.

– Не предрекай, не зная! – проговорили пании поучающе. – Коровы надежно спрятаны; тому же, кто вздумает их отнять, полезно знать о том, что руки наши сильны. Тебе, Сарама, незачем торопиться, лучше останься с нами. Будешь нашей сестрой. Мы поручим тебе коров, и ты отведешь их

на водопой.

При слове «водопой» у Сарамы язык высунулся из пасти. Торопясь выполнить поручение Индры, она не успела напиться.

– Не надо мне коров, – прорычала собака, – но я бы отдала их молока.

При этих словах глаза паниев зажглись радостным блеском. Они понимали, что слуга, согласившийся принять от врагов господина что-либо в дар, не будет ему верен. Так и случилось. Как только Сарамы вылакала поставленную перед нею чашу с молоком, она и думать забыла о коровах. Мрак же, в который погрузилась земля, ее не волновал. Она перепрыгнула Расу и по своему же следу добралась до Индры.

Увидев ласково вилявшую хвостом Сараму, Индра строго взглянул на нее:

– Ты одна? А где же коровы?

– Я их не нашла, – бесстыдно пролаяла Сарамы.

Догадавшись по выражению глаз, что животное лжет, Индра ударил ее ногой, и она изрыгнула молоко.

И пришлось Сараме уже знакомой дорогой вновь мчаться на Запад. Индра же следовал за нею на колеснице, сам погоняя коней, в сопровождении могучих волшебников⁵⁶. За ре-

⁵⁶ Ангирасы, полубоги, происходящие от Ангираса, одного из семи легендарных создателей гимнов, или от Праджапати, жрецы богов. В римской мифологии ангирасы соответствовали богине календарного цикла Ангере, связываемой с богами подземного мира.

кою Расой волшебники направились к скале, близ которой их ожидала Сарама. Они прошептали несколько слов, и отлетел огромный камень, закрывавший вход в пещеру. На пороге ее стоял тюремщик коров Вала⁵⁷. Грозным воем он попытался напугать пришельцев. Но Индра сразил его не дающей промаха громовой стрелой, и тогда коровы, с радостным мычанием покинув место своего заточения, тотчас же взмыли в небо. Стало понемногу светать. На восточной стороне неба показалась розовая колесница с восседавшей на ней богиней Зари, а вслед за нею и солнечная колесница.

И возликовал мир, прославляя победителя Индру, приходящего на зов, повелителя благ, громовержца, самодержца неба и земли, несущего гибель врагам. Пании же, как и предрекала Сарама, были истреблены, а их сокровища достались волшебникам.

⁵⁷ Вала («охватывающий», «скрытый») – такой же космический противник Индры, как Вритра, однако его облик и функции не столь ясны. Он не только тюремщик холма, скрывшего коров, но и сам холм. В одном из гимнов он – огороженное место, полное вод. В этом смысле победитель Индра освободил не только коров, но и изначальные воды где-то в стране заката. Семантически Вала связан с италийским речным божеством Волтурном – то царем Вей, то царем Альбы, утонувшим в реке, которая получила его имя и этрусской Волтумной (богом или богиней). В славянской мифологии его параллель – «скотий бог» и покровитель домашних животных Велес, в балтийской мифологии – бог скота и подземного мира Велс.

Обитель бессмертных

Уже добыта из вод океана амрита и асуры изгнаны в царство Ямы, в подземный мир. Боги могли торжествовать. У них не было больше противников. По установленным ими законам правили цари. Брахманы совершали предписанные ими обряды. В посвященных им лесах отшельники совершали благочестивые обеты. Видя все это, Индра избрал местом своего пребывания и царствования небесный город Амаравати («Обитель бессмертных»).

Был он чем-то похож на земные города, но в его стене было не десять, не сто, а тысяча ворот. Улицы были замощены не камнем, а золотом. Стены ста дворцов были из драгоценных камней. В воздух поднимались струи фонтанов, создавая прохладу. За стенами на берегу реки зеленела дивная роща Нандана с лотосовыми прудами. Здесь паслась божественная корова Сурабхи. В тени деревьев, исполняющих любые желания, звучала музыка. Тут же росло дерево с золотой корою, добытое при пахтанье океана, – его благоухание наполняло весь мир. У входа в город стоял на страже слон Айравата, огромный и белый, как облако. И кто бы, видя его, посмел вступить в Амаравати без соизволения Индры?

Бог Индра – повелитель небесного царства

Сам он избрал дворец Пушкамарамалини, где восседал на троне под белым опахалом со своей супругой Шачи в окружении божеств бури и грома марутов, риши и сонма богов. Его слух улаждали песнями и танцами апсары.

В этом городе, невидимом для грешников, не знают ни старости, ни болезней, ни страха. Сюда после смерти попадают благочестивые и добрые люди, а также отважные воины, не дрогнувшие на поле боя. Случалось здесь побывать и живым, если они дороги Индре.

Напиток богов

Поначалу боги ничего не знали о Соме, не вкушали его, и жизнь их была лишена ликования. Сома же, пребывая во чреве матери своей Синдху, небесной реки, крошечным стебельком, знал обо всех сменяющих друг друга поколениях богов, еще не ставших бессмертными.

Едва выйдя на свет, Сома был похищен демонами и спрятан на вершине высокой горы за ста железными воротами, закрытыми на сто замков. Охранять его поставили стрелка Кришану, беспокойного мыслю, не ведающего сна⁵⁸.

И задумал Индра освободить Сому, который и сам жаждал превратиться в сок, коснуться божественных губ, пронизать все тело пьющих и стать соучастником их великих деяний; но всего этого он был лишен, пока не вызвал Индра могучего Орла, сказав:

– Лети и вызволи Сому!

И взлетел Орел к горе – темнице Сомы, пробил одним махом сто ворот, схватил клювом потянувшийся к нему стебель и двинулся к Индре и другим богам. Кришану успел пу-

⁵⁸ Помещение Сомы на недоступную для смертных высоту, скорее всего, связано не с тем, что растение, из которого изготовлялся возбуждающий напиток, росло в горах, а с недостаточно ясной ассоциацией напитка с небесным телом – Луной уже в ведийскую эпоху. Возможно, в основе ассоциации было сопоставление изменения в состоянии Луны с самочувствием человека, выпившего сому, и во влиянии Луны на все живое, то, что уже в ведах называлось майей.

стить вдогонку Орлу всего лишь одну, но не дающую промаха стрелу. Пробила она одно из маховых перьев и вырвала его (иногда его и поныне можно увидеть в утреннем небе). Орел же устремился дальше.

И принял Индра Сому из клюва орла. Один из отрошков он воткнул в землю, чтобы Сома рос всегда, а остальную часть стебля выжал, очистил, выпил и дал выпить богам. И стал Сома другом и союзником Индры. Ни одного подвига он не совершал без Сомы. Он помог ему найти коров, спрятанных паниями, а также сокровища этого народа и даже участвовал в уничтожении Вритры. Оттого-то, прославляя Индру, мы прославляем и Сому.

По широте своего сердца Индра поделился Сомой со всеми, и с тех пор к Индре стремятся обитатели всех трех миров – далекие, средние и близкие, пользующиеся миром и воюющие, бескорыстные и стремящиеся к добыче. Тот же, кто пренебрегает всевозбуждающей сомой, кто бессмысленно копит в доме своем богатства и прячет их от других, не дождется от Индры добра: могущественнейший бог обрушит на него гром и молнию, развеет все им нажитое по ветру.

Противостояние

С моделью двуединого мира древнейшего памятника индийской и индоевропейской мифологии вед связано представление о двух группах могущественных сверхъестественных существ – асурах и богах. В религии древних иранцев термин «асура» входит в имя верховного бога Ахурамазда, боги же («девах») это класс враждебных Ахурамазде не-богов, демонов. В ведийской мифологии, напротив, девы – это боги, а асуры – их противники, владеющие демоническими чертами, однако не являющиеся порождением зла. Это могущественные соперники богов в еще не оформившемся космосе, а порой и их временные союзники, как, например, в мифе об обретении бессмертия, которое похищается богами, тогда как из числа асуров бессмертия добывается лишь один Раху, которому удается глотнуть амриты.

И более того, асуры – старшие братья богов, рожденные Праджапати (или Брахмой), обладающие мудростью, мощью и колдовской силой (майей). У них три города, железный, серебряный и золотой, обладающие совершенной организацией, однако не избежавшие порчи и поэтому обреченные на гибель.

Асуры мыслятся древней почвой, на которой выросли боги. В одном из гимнов «Ригведы» Агни и Сома – сыновья перворожденного демона Вритры, отождествляемого с асу-

ром. Они настолько тесно связаны с ним, что знают о его коварных намерениях и в состоянии предупредить о них Индру и этим обеспечить его победу. С другой стороны, у Индры возникает трудность, как уничтожить Вритру, не причинив вреда Агни и Соме.

Другое величайшее божество ведийского пантеона, Варуна, колеблется в выборе статуса. Одной ногой этот «вседержитель» находится в мире асуров, другой – в мире богов. Когда его помыслы обращаются к богам, Индра предлагает ему власть над вселенной. И эта двойственность выходит за рамки вед. В «Махабхарате», где мир уже мыслится поделенным между богами и Варуна оттесняется в нижний, подземный мир, во дворце ему прислуживают асуры.

В эпоху брахман асуры, связанные с ночью и тьмой, окончательно мыслятся противниками богов, и асуры появляются почти всегда лишь в сюжетах, связанных с войнами между ними и богами. При этом они трактуются как непримиримые противники богов, вынесенные за пределы принадлежащего богам мира. Они – духи изгнания, обладающие собственными твердынями, словно бы оставленными для того, чтобы победителям было на ком демонстрировать свое превосходство.

Трипура

Решив населить мир мыслящими созданиями, творец всего сущего Праджапати принял образ черепахи, носившей имя Кашьяпа, и от нее произошли все живые существа⁵⁹. От двух сестер, Дити и Адими⁶⁰ он имел сыновей – асуров и богов, от других женщин – гандхарвов, пасар, ракшасов, а также животных и птиц.

С начала времен между братьями, асурами и богами, разгорелась жестокая распря. Вождь асуров Тарака стремился унижить и подчинить богов. После того как войско богов возглавил Сканда⁶¹, Тарака стал терпеть поражения, а затем был убит Индрой. Было у Тараки три сына: Таракакша, Камалакша и Видьюнмалин. Суровым подвижничеством они заслужили милость Брахмы, и им было позволено утвердиться в безопасном от нападения месте по их собственному выбору.

Братья обрадовались этому дару и обратились за советом

⁵⁹ Согласно «Тайтиррия-брахману», асуры возникли из дыхания Праджапати, в другой версии этого же текста – из брюшной полости.

⁶⁰ Дити (букв. «связанность») – старшая дочь Дакши, жена Кашьяпы. Вместе со своей сестрой Дану она родоначальница асуров. Ей противостоит Адити – родоначальница богов.

⁶¹ Сканда – в индуистской мифологии предводитель небесного воинства. По одной из мифологических версий, он сын Агни и Свахи, по другой – бога Шивы и его супруги Парвати, рожденный для уничтожения Тараки.

к жившему в те времена могучему асуру Майе, сыну Вапири-
чит и Дити. Покинутый своей женой апсарой Хемой, Майя
удулился в лесу и здесь его отыскили сыновья Тараки и по-
просили указать место для жизни.

Вишну, Шива, Брахма

Оставшись один, Майя задумался, и столь велика была си-
ла его мысли, что раскалилось все вокруг и окуталось обла-
ками горячего пара. Тогда к нему явился сам Брахма.

– Ну и что ты надумал? – спросил он.

– Давняя вражда к нам богов одолевает нас. Боги сильнее
нас в битвах на земле, под землей, на дне океана. Я хочу воз-

двигнуть для трех братьев три города, которые не могли бы разрушить ни боги своим оружием, ни брахманы – своими проклятиями. И пусть они существуют вечно.

– В мире нет ничего вечного, – отозвался Брахма. – Твоя просьба невыполнима.

– Тогда, – сказал Майя, – пусть города будут неуязвимы для всех, кроме Шивы, да и он пусть может их разрушить только одной стрелой.

– Пусть будет так! – молвил Брахма, удаляясь.

Возликовали сыновья Тараки, узнав об этом решении, ибо они не представляли себе, как можно разрушить сразу три города одной стрелой.

Майя тотчас же приступил к работе. Силой своего подвижничества он воздвиг три города, один из золота, другой из серебра, третий из железа, таким образом, что железный город был врыт в землю, серебряный высился над ним, а над серебряным, уходя в самое небо, высился золотой город.

В каждой из трех частей единого города жили и правили сыновья Тараки со своими женами и свитой. Там всегда разносились опьяняющие звуки, издаваемые подвешенными колокольчиками. В золотой части Трипуры был пруд с живой водой, исцеляющей раны и оживляющей мертвых⁶². У высо-

⁶² Сложная структура города асуров вписывается в присущие многим народам Древнего Востока представления о священных космических городах, объединяющих три мира – подземный, земной и небесный. Таков Иерусалим библейских пророческих текстов, фантастическая персидская столица Экбатаны с семью кольцами стен, окрашенными в цвета радуги, этрусский небесный город

ких железных, серебряных и золотых стен днем и ночью стояли воины, вооруженные копьями.

Прослышав о чудесах Трипуры, туда в великом множестве хлынули асуры с женами и детьми, и в трех городах появились многочисленные храмы и жилые строения. Здесь асуры радовались спокойной жизни, прославляли в молитвах и гимнах искусного зодчего и вождя асуров Майю.

Но благоденствие не вечно, как все другое. Однажды Майе приснился страшный сон, и он тем же утром собрал асуров, чтобы о нем рассказать. «Приснилось мне, – сказал он, – что в Трипуру проникло множество женщин ужасного облика. Они проникли в ваши дома и посеяли там раздор, ненависть, зависть. А потом я увидел великана, четырехногого и трехглазого, который стал преследовать этих женщин. И тут я проснулся. Я не знаю, что значит этот сон, но я взываю к вам, будьте добры друг к другу. Не допускайте в ваши сердца злобы и зависти».

Выслушав Майю, асуры разошлись, казалось бы, в решимости следовать его совету. Но на другой день их трудно было узнать. Словно бы и впрямь в их дома проникли женщины-невидимки с именами Злоба, Зависть, Вражда, Неистовство. Они перестали оказывать уважение старшим и почитать предков. Они забыли об омовениях и восходили на лоджа грязными. Они перестали украшать свои жилища, топтали цветы, вырубали рощи. Они стали чинить притеснения

жрецам. Опустели храмы. Загасли огни на алтарях. Все это предвещало гибель Трипуры.

Богиня Кали и Махиши

После жестокой битвы, в которой над асурами взяли верх боги, мать асуров Дити, горюя о погибших сыновьях, обратилась к одной из своих дочерей: «Иди в леса и не щади своей плоти. Пусть силой твоего ревностного подвижничества родится у тебя сын, который одолеет Индру и отомстит за твоих братьев».

Приняв решение матери к сердцу, отправилась девушка в лес и там, превратившись в буйволицу, поразила весь мир своим подвижничеством. И, как было предсказано Дити, она родила сына-демона в облике буйвола. Дали ему имя Махиши («буйвол»). Уже с первых дней он одним движением сносил вековые деревья. Его горячее дыхание обжигало все вокруг. С годами сила его возрастала.

Видя это, к нему явились асуры.

– Знай, – сказали они, – когда-то мы, как старшие братья богов, властвовали на небесах. Но Индра опоил нашего прародителя Намучи сомой, смешанной с хмелем, лишил его силы и убил, а затем взял себе в жены его дочь Шачи. Верни нам наше царство и нашу мощь. Разгромай супруга Шачи и все воинство богов.

Выслушав эту речь, Махиши проникся гневом и ринулся на обитель богов Амаравати и повел за собою полчища асуров. Сто лет длилась битва между богами и асурами. На этот

раз асуры взяли верх. Индра был свергнут с небесного трона, и на него воссел Махиши. И пришлось богам клонить головы перед асуром-буйволом.

Не в силах вынести высокомерия победителя и нестерпимого гнета, боги пришли к Брахме, Шиве и Вишну с поклоном. Они поведали ему о бесчинствах буйвола, вырывающего своими рогами горы и баламутящего океан, о его прихотях, которым они вынуждены потакать.

По мере того как шел рассказ, пламя гнева трех властителей вселенной росло, когда же он был закончен, оно слилось в огромное огненное облако, не уступающее по величине горе Меру. И из этой тучи, охватившей огнем всю вселенную, возникла женщина. Пламя Шивы стало ее грозным ликом, сила Ямы – копной ее волос, мощь Вишну перешла в ее руки, могущество Варуны досталось ее ногам, мать-земля Притхиви дала ей широкие бедра, опоясанием стала сила Индры, пятки ей дал всевидящий Сурья, зубы – Брахма, пылающие глаза – Агни.

От богов было ее оружие. Индра не пожалел для нее vajra, Яма – жезла, Варуна – петли, Вишвакарман – топора, Сурья – лучей. Химават – владыка всех гор привел ей льва. Богиня Времени Кала дала ей свой меч. Царь царей Кубера, приравненный к богам, притопал на своих трех ногах и вручил кубок с вином.

Оглядев богиню, боги дали ей имя Кали и воскликнули: «Ты победишь!» Издав воинственный клич, потрясший ми-

ры, Кали ринулась в битву. Махиши вышел ей навстречу со всем своим войском. Тысячи асуров напали на богиню, кто на колесницах, кто на слонах, кто на конях. Но она отражала их удары тысячью своих рук. Из дыхания Кали вырастали тысячи воинов. Лев, на котором она восседала, терзал ряды асуров.

Наблюдая за битвой и направляя ее ход, Махиши вынужден был прийти на помощь своему воинству. С грозным ревом он кинулся на богов, одних топча копытами, других поднимая на рога, третьих сражая ударом хвоста. Он был такой длины, что конец его достиг океана. Вызванная им буря обрушилась на сушу, и многие были смыты волнами.

Но, выждав момент, когда Махиши вскинул голову, Кали набросила на его шею петлю Варуны и ее затянула. Но силой майи асур покинул тело буйвола и обратился в огромного льва. Богиня взмахнула мечом Калы и снесла ему голову. Но в тот же миг Махиши обратился в человека. Когда она пронзила его стрелой, Махиши принял облик слона и занес над кали свой хобот. Богиня отрубила его топором Вишвакармана. И вновь Махиши стал буйволом и стал рыть землю и швырять в Кали горы и скалы.

Отбившись, богиня поднесла к губам кубок Куберы, и красная влага потекла у нее по губам.

– Ревя, безумец, пока я пью вино! Тебе уже не услыхать рева богов, когда они узнают, что ты мертв.

Совершив прыжок, она обрушилась на асура сверху всей

своей тяжестью, не дав ему пошевелиться и принять новый облик. Ему, полузадушенному, она отрубила голову.

И возликовали боги, возглашая хвалу победительнице. Она же им сказала: «когда у вас будет нужда, о боги, всегда обращайтесь ко мне».

Укрепление земли

Ни в чем не уступали друг другу боги и асуры. Между тем в те времена земля колебалась под дуновением ветра, словно листок лотоса, из стороны в сторону. Когда она приближалась к богам, глаза их загорались радостным блеском, когда уходила к асурам – грустнели. И длилось это до тех пор, пока у богов не иссякло терпение. Тогда они сказали друг другу: – Давайте укрепим землю опорой, чтобы она была обращена к нам одним. Установим на земле два жертвенных огня, чтобы воспрепятствовать асурам иметь долю на этой земле.

И они натянули длинный кусок кожи на деревянные колышки и закрепили точку опоры, которая стала, таким образом, твердой и недвижимой. После этого они поставили два жертвенных огня⁶³ и этим воспрепятствовали своим соперникам иметь долю на этой земле.

Таким же образом в этом мире и поныне укрепляют двумя булыжниками точку опоры, которая становится пространством, закрытым для посторонних⁶⁴. Это ограда, препят-

⁶³ Жертвенных огней, согласно ритуалу, было обычно три, из них два считались обязательными – праздничный и дароприносительный.

⁶⁴ Сюжет призван объяснить наличие булыжника на месте, предназначенном для жертвоприношения. Это место аналог Земли, которую богам удалось закрепить, тогда как она не имела опоры в пространстве. Это частый сюжет ведийских мифов – универсум нестабилен, непостоянен, грозит распадом. Боги и люди бла-

ствующая всякому, кто таит зло. Жертвователю же следует иметь долю в жертвоприношении. И именно поэтому на огражденном месте делают из камней горку.

Рождение Будхи

Блистательную свиту Индры возглавлял бог Луны, владыка созвездий Сома. Доверил ему Брахма планеты, звезды, жрецов и жертвоприношения. Возгордившись сверх меры, похитил ненасытный Сома у семиустого Брихаспати его прекрасную спутницу звезду Тару. Напрасно мудрецы уговаривали Сому довольствоваться имеющимся и не пялить глаза на чужое. Не помогло и приказание Брахмы вернуть Тару. Похититель не собирался отпускать полюбившуюся ему красавицу, полагаясь на свою силу и на поддержку Шукры, наставника и жреца асуров, и объявил, что берет ее в жены. И по этому случаю решил он побриться и пригласил Савитара. Тот явился с медным лезвием и горячей водой в сопровождении Адитьев, Рудры и Васу, умелых во всем. Они смочили Соме бороду, а Савитар ее сбрил, пожелав супружеской паре коров, коней и потомства.

Но началась великая распря из-за Тары между богами и асурами, переросшая в войну, едва не уничтожившую все три мира. Богов возглавил медно-красный владыка зверей Рудра, вышедший из чела Брахмы в облике вепря. Строй асуров повел Шукра. Земля содрогалась от ударов ног и копыт, от грохота колесниц и оглушающих боевых кличей. Обратилась она в ужасе к Брахме, моля его положить конец бессмысленному побоищу.

Вняв просьбе Земли, Брахма бросил на Рудру и на Шукру грозный взгляд. Нехотя покинули они, каждый со своим воинством, поле боя. Прекрасная Тара покинула Сому и вернулась в жаркие объятия своего супруга. В назначенное время родила она младенца такой необыкновенной прелести, что и Сомы и Брихаспати поспешили провозгласить его своим отпрыском и наследником.

И вновь разгорелся спор, и соперники схватились за оружие. Не было иного пути для решения спора об отцовстве, как обратиться к Таре. Но она словно в рот воды набрала, то ли от стыда, то ли из желания удержать благоволение обоих богов. В спор вмешался сам младенец, которому также не терпелось узнать, кто же его родитель.

– Отвечай, а то будешь мною проклята! – пригрозил он матери.

Услышав это от только что родившегося, Тара едва не выронила его из рук. К требованию младенца присоединился и Брахма.

– Сомы, – ответила Тара, покрывшись краской стыда. – Всезнающий, всевозбуждающий Сомы – твой родитель, о сын мой.

Так Сомы победил Брихаспати и взял сына себе. Он дал ему имя Будха (Мудрый), ибо не каждый новорожденный обладает осмысленной речью. Однако Тара осталась с Брихаспати.

Ушанас и Прахлада

Предводителем асуров во время войны за Тару, супругу Брихаспати, был Ушанас, сын Бхригу. Сражаясь один на один с могучим Шивой, он ловко уходил от его трезубца, но, изловчившись, он вскочил на плечо бога, а оттуда на его голову, а с головы опять прыгнул на плечи. Наконец поймал Шива асура ртом и проглотил его. Однако, сжалившись над ним, Шива его изрыгнул, и меж ними завязалась дружба. Шива заботился об Ушанасе, как о родном сыне.

После того как асуры окончательно сошли со стези добродетели, между ними и богами вновь разгорелась война. Боги, ведомые Индрою, стали побеждать. Видя, что им не устоять, асуры решили отдать богам власть над миром и уйти в подземные глубины. Но Ушанас ободрил их: «Не отчаивайтесь! Я вам помогу. Мне доступно знание целебных трав и сила заклинаний. Я использую их вам во благо».

Сказанное стало известно богам, и они испугались, как бы сын Бхригу не отобрал у них вселенную. Против асуров были брошены все силы. Но Ушанас взял их под защиту и обратил преследователей в бегство. После этого он отправился к Шиве, надеясь вывести у него путь к победе.

Вскоре послом к богам был отправлен царевич Прахлада. Вот его речь: «Мы решили прекратить войну с вами, покинули боевые колесницы. Облачились в одеяния из коры.

В далекой пустыне мы будем умерщвлять свою плоть». Удовлетворенные признанием поражения, боги вернулись в свое царство. Между тем Ушанас был принят Шивой, и тот дал ему совет совершить великое подвижничество, тысячу лет висеть над костром вниз головой, вдыхая дым. «После этого ты получишь великое знание!» – закончил Шива.

Весть об этом дошла до слуха Индры. В страхе, что Ушанас возьмет над ним верх, он посылает к нему свою дочь, прекрасную Джаянти, с повелением очаровать своего недруга. И стала Джаянти служить Ушанасу, растирала ему руки и ноги, умащала их мазями и оказывала другие услуги.

По окончании тысячелетия обета Шива даровал ему знания, не доступные ни богам, ни кому-либо другому во вселенной. И стал Ушанас непобедимым.

Обратившись к Джаянти, он сказал:

– Ты, дева, была со мною все эти годы и делила тяжесть подвижничества. Чем я могу тебя за это вознаградить? Любое твое желание будет выполнено.

– Зачем ты меня спрашиваешь? – отозвалась Джаянти. – Ведь тебе дана способность проникать в мысли другого.

– Итак, ты хочешь провести со мною сто лет, и мы были бы невидимыми для других, – сказал Ушанас. – Да будет так.

И они удалились к себе домой, став невидимыми для всего мира. Асуры, узнав об исполнении Ушанасом обета и об оказанной ему Шивой великой милости, пришли к его обители. Но они его не отыскиали и не нашли никаких его следов.

Решив, что слух об исполнении обета был ложным, они возвратились. Индра же знал, что его дочь находится с Ушанасом. Он обратился к Брихаспати, повелев ему немедленно идти к асурам и, пока с ними нет Ушанаса, совратить их с истинного пути. Брихаспати принял облик Ушанаса и явился к асурам, принявшим его с распростертыми объятиями.

– Мы ждали тебя тысячу лет, – сказали они. – Учи нас теперь всему, что знаешь, и мы одолеем богов.

Прошло сто лет, и Ушанас, выполнивший каприз Джаянти, решил вернуться к асурам. Каково же было его удивление, когда он увидел Брихаспати в своем облике, в окружении благочестивых асуров.

– Наставник богов! – обратился он к нему гневно. – Есть ли у тебя совесть! Ты совращаешь моих учеников, которые теперь меня не узнают. Твои деяния недостойны брахмана. Убирайся, если хочешь остаться цел!

Услышав это, сын Ангираса расхохотался.

– Смотрите! – обратился он к асурам. – Мне приходилось видеть воров, крадущих чужие вещи, а о такой диковине я даже не слышал. Уходи отсюда, Брихаспати, принявший мой образ. Тебе здесь никого не обмануть. Ведь я сразу после выполнения обета пришел выполнить свой долг, а ты сто лет размышлял, как бы обмануть асуров.

И что бы после этого ни говорил Ушанас, как он ни клеймил самозванца позором, как бы ни убеждал асуров, ему не верили. И проклял великий подвижник тех, кому он отдал

тысячелетие своей жизни, ради которых он терпел такие муки.

С асурами остался Брихаспати. Подобно тому как река размывает берега, он неторопливо и неуклонно совершал свое дело, смущая асуров ложным учением, отвращая их от почитания вед. «Разве вы не видите, – говорил он, – что от приносимых вами жертв нет никакого прока, что они только обогащают лживых и корыстолюбивых служителей».

Из всех асуров только праведный Прахлада устоял от соблазна. Остальные последовали за тем, кого они принимали за Ушанаса. Они отреклись от семейных забот. Обнажившись, с бритыми головами, они удалились на берега реки Нармады, предоставив богам власть над тремя мирами. Но все же Ушанас вернулся к ним и их вразумил. Борьба за власть продолжалась.

Ушанас и Яяти

Вражда между богами и асурами за господство в трех мирах не прекращалась. Асуры, стремясь к власти над всем, что было движущегося и неподвижного, избрали своим наставником мудрого Ушанаса, овладевшего наукой оживлять погибших в бою. Брихаспати, жрец богов, соперничавший мудростью с Ушанасом, такой наукой не владел, и боги несли большой урон. Предавшись печали и мучимые страхом, они явились к Каче, старшему сыну Брихаспати, и сказали ему: «Окажи нам услугу, Кача! Похитить знание, каким обладает Ушанас, одаренный необыкновенной силой. Ведь ты молод и смышлен и сможешь сыскать благосклонность у наставника асуров и его дочери Деваяни».

Сказав: «Хорошо», Кача отправился в город асуров и там представился Ушанасу: «Я – внук мудреца Ангираса и сын Брихаспати. Зовут меня Кача. Возьми меня в ученики на тысячу лет».

Войдя в дом Ушанаса и приняв обет о воздержании, Кача старался добиться благоволения учителя и его дочери Деваяни пением, танцами и игрой на различных инструментах и вскоре покорила их обоих. Но вот однажды, когда он пас коров учителя в лесу, его увидели асуры и вследствие гнева на Брихаспати убили, искромсали его тело на куски и бросили волкам. Когда коровы вернулись в свой загон без пас-

туха, Деваяни сказала отцу: «Кача убит или умер, а я, отец, не смогу без него жить». Пожалев дочь, Ушанас произнес: «Явись!» – и Кача вернулся невредимым силою науки, которою он владел. В другой раз по просьбе Деваяни Кача отправился в лес набрать цветов. Увидев его, асуры убили его, тело сожгли, растерли в порошок, смешали порошок с вином и дали выпить Ушанасу. И вновь по просьбе дочери тот употребил свою науку и услышал тихий голос своего ученика из чрева своего. И вот тогда, чтобы спасти ученика, он открыл ему тайну оживления. Распоров себе живот, он выпустил Качу, а тот его оживил, к великой радости Деваяни. И прошла тысяча лет услужения сына Брихаспати владыке асуров. Но Деваяни, полюбившая Качу, не хотела с ним расставаться. Напомнив ему о своей любви, которая спасла Качу дважды, она стала умолять его остаться. Но он, следуя своему долгу, поклонился Деваяни и ушел.

С ликованием встретили боги Качу. «Ты совершил великий подвиг, – сказали ему они, – и отныне ты будешь иметь свою долю в жертвоприношениях». И обучил Кача богов науке оживления. Воспрянув духом, они обратились к Индре. «Веди нас в бой, – сказали они. – Пора показать асурам нашу силу!»

На пути к полю брани Индра увидел девушек, омывавшихся в лесном озере. Обернувшись ветром, он смешал их одежды, и те девушки, выйдя из воды, надели их в том порядке, в каком они лежали не раз. Одна из них, по имени

Шармиштха, по ошибке взяла одежду Деваяни. Между девушками возник спор, и Шармиштха бросила Деваяни, ухватившуюся за свое платье, в колодец и удалилась, даже туда не заглянув.

В то время к этому месту подскакал царь Яяти, сын Нахуши, выехавший на охоту. Его конь и упряжные лошади были утомлены. Страдал от жажды и он сам. И тогда он заглянул в колодец, оказавшийся высохшим, и на дне его увидел девушку, пылающую пламенем красоты, и вытащил ее. По его просьбе она ему рассказала, что она дочь наставника асуров Ушанаса и что ее столкнула в колодец царевна Шармиштха.

Вскоре об этом узнал и отец Деваяни. Он отправился во дворец и поведал царю, отцу Шармиштхи, о беззаконии, совершенном его дочерью. Выслушав Ушанаса, справедливый царь выдал Шамиштху Ушанасу, и она стала рабыней Деваяни.

После этого прошло много времени, и однажды прекрасная Деваяни отправилась на прогулку в лес вместе с Шармиштхой и тысячей других своих служанок. Когда Деваяни легла отдохнуть, положив ноги на колени Шармиштхи, по лесу проезжал Яяти, сын Нахуши. «Я узнала тебя, царь, – сказала ему Деваяни. – Это ты вытащил меня за правую руку. Никто не касался моей руки до тебя. Поэтому я и мои рабыни принадлежим тебе. Будь моим супругом и повелителем».

Ушанас не стал противиться выбору дочери, но, отдавая ее Яяти, он сказал: «Ты берешь мою дочь по закону, и с нею

ты обрешь несравненное счастье. Только не забывай, царь, что Шармиштха – рабыня Деваяни, и ты не должен звать ее на свое ложе».

Вернувшись в свой город, подобный городу великого Индры, Яти поместил Деваяни в женскую половину дворца, а для Шармиштхи с согласия царицы выстроил дом близ ашоковой рощи, ибо она была дочерью царя асуров.

Наступило время, и Деваяни родила Яти сына. Шармиштху мучила зависть, и, когда однажды Яти проходил через ашоковую рощу, Шармиштха, мило улыбаясь, подошла к нему и, сложив почтительно руки, сказала: «Ты знаешь, государь, что я красива и высокого рода. Прошу тебя, даруй мне сына». – «Я это знаю, – отозвался Яти, – но наставник асуров сказал мне, что я не должен звать тебя на свое ложе». Но Шармиштха не отступала от задуманного, и царь ей уступил. В положенное время она родила сына.

Узнав об этом, явилась Деваяни к Шармиштхе и гневно сказала: «Ты нарушила закон. Ты посмела взять на свое ложе моего супруга!» Но Шармиштха не созналась, солгав, что упросила, чтобы не остаться без потомства, даровать сына некоего брахмана.

А царь Яти продолжал тайно посещать дом в ашоковой роще, и Шармиштха родила ему второго сына и третьего. Однажды, когда Деваяни гуляла с мужем в лесу, она увидела там трех мальчиков необыкновенной красоты, похожих на Яти. Она подошла к детям и спросила их, к какому они

принадлежат роду и кто их мать. Мальчики указали на царя и назвали имя Шармишти.

Разгневанная Деваяни объявила царю, что больше во дворец не вернется, и направилась к отцу. Напрасно Яяти шел за нею, уговаривая вернуться и забыть обиду.

Ушанас выслушал дочь в суровом молчании и затем обратился к Яяти: «Тебя, царь, ожидает суровая кара. Ты нарушил запрет, и тебя постигнет раньше времени старость». Мольбы Яяти не помогли, он вернулся во дворец дряхлым старцем. И тогда он обратился к старшему сыну от Деваяни, Яду, с просьбой отдать ему свою молодость, обещая возвратить ее через тысячу лет. Но Яду от такого обмена отказался. Не пошел на него и второй сын от Деваяни. Тогда обратился Яяти к трем сыновьям от Шармишти. И ее младший сын Пуру отдал отцу свою молодость.

И стал Яяти снова молодым и сильным. В наслаждениях тысяча лет промелькнула как один год. И Яяти объявил, что отдает молодость, а вместе с нею и власть Пуру. Запротестовали брахманы, уверяя, что это не по закону, что царь не вправе обделить старших своих сыновей. Тогда Яяти объявил всем во всеуслышанье: «Тот, кто перечит своему отцу, не может считаться добрым сыном. Мои старшие сыновья пренебрегли моей просьбой. Только Пуру оказался преданным и достойным сыном. Всемогущий Ушанас, тесть мой, повелел посадить его на царство».

Народ одобрил решение царя. Передав власть Пуру, Яя-

ти удалился в лес к отшельникам. Пожив там некоторое время, отправился на небо. Жил он в жилище богов радостно и счастливо, совершая там подвиги, а затем отправился в мир Брахмы.

От наследника Яяти Пуру родилось трое сыновей, три великих воина, сражавшихся на колесницах, славный род Пауравов, в котором тысячелетия спустя появились герои Кауравы и Пандавы и многие другие могучие воители. От старшего сына Яяти Яду начался род Ядавов, в котором много веков спустя родился Кришна.

Сунда и Апасунда

Некогда в роду одного великого асура родилось два сына, отличавшихся необыкновенной силой, – Сунда и Апасунда. Будучи близнецами, они были похожи друг на друга внешне и по характеру. Они вместе жили, вместе ели, вместе пили, вместе ходили, говорили друг другу приятное. Приняв решение покорить три мира, они отправились к горе Виндхья и пребывали там в покаянии, страдая от голода и жажды, с телами, покрытыми грязью, питаясь одним воздухом. Стоя на кончике большого пальца ноги и не мигая глазами, они исполняли долгое время суровый обет. И о чудо! Накаленная от их подвижничества гора Виндхья стала испускать пар.

Увидев пар и узнав о том, что было причиной его появления, боги стали чинить препятствия подвигу асуров. Они соблазняли братьев драгоценными камнями и женщинами. Но праведники не польстились на эти дары. Тогда боги договорили своих сестер, матерей и жен сбросить одежды и прибежать к Сунде и Апасунде с криком: «Спасите нас от ракшаса!» Не помогло и это. И тогда сам Брахма явился к достойным асурам, чтобы спросить у них, какой награды они желают. И ответили братья в один голос: «Если прародитель удовлетворен нашим подвигом, пусть он откроет нам тайны волшебства и оружия. Пусть мы будем могущественными!» – «Все это будет у вас, – сказал Брахма, – только бессмертия

вы не получите».

После этого они возвратились в свое жилище, отрезали косы на своих головах, увенчались венками, надели чистые одежды и пригласили друзей своих асуров. Весь город наполнился радостными криками и громкими рукоплесканиями. И длилось это многие годы.

Когда же празднество закончилось, они совершили обряды, связанные с выступлением в поход, и ночью при созвездии Магха со всем войском, вооруженным с ног до головы, покинули город. С ними были и певцы, прославлявшие их благословениями и хвалебными песнями. Так они, неистовые и способные двигаться где угодно, направились к местопребыванию богов. Зная о даре Брахмы, боги при их появлении безропотно покинули город Индры и направились к Брахме. Затем эти могущественные асуры победили змей-нагов, находящихся под землей, а также всех обитателей морей. Обладая суровой властью, они запретили жертвоприношения, увеличивающие мощь богов и благосостояние брахманов. Всех, совершавших жертвы, они безжалостно убивали. Желая истребить мудрецов, оба асура стали принимать разные облики, превращаясь то в обезумевших слонов, то во львов или тигров. И прекратилось тогда на земле чтение вед. Были истреблены цари и дважды рожденные. Исчезли земледелие и скотоводство. Прекратилась торговля. Земля с разрушенными городами и полями, усеянными трупами и скелетами, приобрела ужасный вид. После этого, насытившись

своими страшными деяниями, оба асура поселились на поле Куракшетре.

Тогда уцелевшие от учиненного асурами побоища мудрецы отправились к Брахме и сообщили ему обо всех деяниях Сунды и Апасунды. Прародитель их выслушал и, помыслив немного, призвал Вишвакармана. Когда тот пришел, он ему приказал сотворить прекрасную деву, которую бы помогались все.

Поклонившись Брахме, Вишвакарман взялся за дело. Он собрал все, что было чудесного во всех трех мирах, все драгоценные камни и жемчуга, и все это вложил в свое создание с величайшим старанием. И не было в членах той, которую он создавал, даже мельчайшей частицы, которая не была бы наделена совершенством красоты. После этого он привел Совершенную к прародителю, и тот ей приказал: «Ступай к асурам Сунде и Апасунде и соблазни их своею ослепительной красой. Пусть они, неразлучные и согласные друг с другом во всем, поссорятся из-за тебя».

Поклонившись прародителю, она сказала: «хорошо», — и стала обходить его слева направо. Присутствовавшие при этом боги не отводили от ее прекрасного тела глаз, и у всех у них, кроме прародителя, глаза стали увеличиваться в размерах и умножаться числом. У кого их было четыре, возрастало до тысячи. И светилось в них вожеление, соединенное с надеждой на то, что Совершенная выполнит данное ей поручение.

А между тем два асура пребывали на горе Виндхья, ставшей для них вершиною блаженства. В мире у них не было соперников и не имелось в нем богатств, которые бы не принадлежали им. Среди цветущих деревьев шала их зрение радовали доставленные чудесные предметы. Женщины ублажали их музыкой и песнями, тешившими их самолюбие. И не ведали они, в каком образе к ним приближалась неотвратимая смерть.

Совершенная, прикрыв лоно куском алой ткани, бродила по берегу реки, срывая цветы. И вот глаза асуров, покрасневшие от опьянения, коснулись неопишуемой красоты. Вскочив с места, тряся раздувшимися животами, они потащились к Совершенной. Сунда схватил ее за правую руку, Апасунда за левую. «Она моя супруга и твоя повелительница!» – властно произнес Сунда. «Не твоя, а моя!» – возразил Апасунда, и глаза его зажглись гневом. Опьяненный страстью, он схватил лежавшую на траве булаву и нанес брату первый удар. Завопив, тот поднял камень и бросил его в лицо соперника. И вот они, страшные, упав на землю, катаются по ней, пытаясь вцепиться зубами в горло друг другу. Через некоторое время все было кончено. Они лежали, залитые кровью, как два закатившихся солнца.

С визгом разбежались женщины, а вслед за тем, дрожа от горя и страха, в преисподнюю удалилась толпа асуров, охранявшая владык мира. На берег реки вместе с богами и великими риши опустился прародитель. Подойдя к Совершен-

ной, он предложил дар на ее выбор. «Любовь!» – произнесла она, как сделала бы на ее месте любая женщина, созданная для поцелуев и объятий.

– Я сомневался в этом выборе, – сказал прародитель, улыбаясь. – Ступай! Ты будешь странствовать в мирах, посещаемая богами, и никто не сможет на тебя наглядеться.

Выпивший море⁶⁵

В то время, когда благочестивый Агастья пребывал в южных странах, возмутились асуры, загнанные богами на дно моря. Выходя по ночам на берег, они наводили ужас на людей, не щадя ни детей, ни женщин, безжалостно разрушали обители праведников. Люди в ужасе покидали города и селения, искали убежища в горных пещерах. И вновь погасли священные огни на алтарях, и боги остались без жертвенного дыма. Причин же этого бедствия никто не знал, так как асуры, совершая свои черные дела, не оставляли никаких следов и еще до рассвета уходили в море.

И вновь обратились боги к всеведущему Творцу за помощью. А он им сказал:

– Это асуры выходят со дна океана для тайных убийств, а затем снова прячутся на дне. Чтобы их там настигнуть, надо обнажить дно. В этом вам может помочь только Агастья, рожденный в воде.

И боги отправились к Агастье. Почтительно склонившись перед ним и пожелав ему вечного блага, они поведали о своих бедах и тревогах, напомнили ему о его победе над горой

⁶⁵ Агастья – персонаж эпической мифологии, божественный мудрец, сын богини вод апсары Урваши, рожденный в кувшине с водою от семени двух богов, Митры и Варуны, излившегося при виде апсары. Своей духовной силой он сотворил из лучших элементов мира для себя жену Лопамудру, превратил в змея властителя трех миров Нахушу и возвратил Индре престол богов.

Виндхьей и попросили обнажить морское дно.

— Водная стихия мне подвластна, — ответил великий праведник. — Я вам помогу, ибо нельзя позволить асурам разрушить основания всех трех миров. Вооружитесь же и следуйте за мной, о боги!

И отправился Агастья к берегу Океана, в тот день особенно буйного, словно бы предугадывавшего свою жалкую участь. Сопровождали праведника не только боги, но и множество людей, измученных асурами и ждущих избавления.

Агастья бесстрашно вступил в бушующий прибой, и пена скрыла его от взоров потрясенных спутников. Но вот вода стала спадать, показалась голова мудреца, и все увидели необыкновенное чудо: вода исчезала в его утробе. Стало обнажаться дно Океана, а Агастья, продолжая пить отступающую воду, неотступно преследовал ее. И те места, где он проходил, шевелились, покрытые черепахами, рыбами, макарами, среди которых беспомощно барахтались застигнутые врасплох асуры⁶⁶.

И пропели боги хвалу Агастье, почтили его гимном:

Мудрый подвижник и промыслитель Агастья,
Спас ты три мира, с ними и нас от великой напасти.

После этого боги бросились убивать своих недругов, отя-

⁶⁶ Связь океана с подземным миром, местонахождением нижних богов (асуров), засвидетельствована также в хеттской мифологии.

гощеных в равной мере грехами, золотыми доспехами и оружием, ставшим для них обузой. Только немногим удалось унести ноги в подземный мир.

Когда возбужденные победой, с ликующими криками вышли боги на берег, они увидели Агастью в венках и гирляндах сидящим на скале, как бы составляя ее продолжение. И был он таким же тощим и костистым, каким входил в море. Тогда боги попросили его вернуть выпитую им воду на место, ибо земля, согласно дхарме, должна быть опоясана океаном, и в нем должны обитать черепахи, рыбы и макары.

– Ничем не могу помочь, – сказал Агастья, разводя руками. – Выпитая мною вода испарилась от внутреннего жара, а новую мне взять негде.

Великое пополнение

Воплощения Вишну

У мудреца Кашьяпы от прекрасной демоницы Дити родилось двое близнецов. Один из них, Хираньякашипу, пошел в мать, но настолько умело скрывал враждебную добру природу, что не был разгадан даже Брахмой и получил от него в дар неуязвимость⁶⁷. Его не мог убить ни человек, ни зверь. Смерть к нему не могла прийти ни извне, ни возникнуть в нем самом, ни днем, ни ночью. Воспользовавшись этим божественным даром, он, недостойный, захватил дворец Индры, подчинил себе все три мира и даже посмел взять в услужение богов.

Второй же сын мудреца, Прахлада⁶⁸, с детских лет проявлял удивительное благочестие и, никогда не унывая, не уставал восторгаться миром, созданным Вишну. Видя, каким растет мальчик, Хираньякашипу его возненавидел и решил избавиться от брата, как от врага. Он напускал на него змей и слонов, травил ядом, обрушивал скалы и потолок во дворце, проделывал в лодках отверстия, чтобы утопить его

⁶⁷ Хираньякашипу является, таким образом, функциональным двойником Раваны, получившим от Брахмы аналогичный дар.

⁶⁸ Прахлада (др. – инд. «радость», «восторг») – сын Хираньякашипу, дед Бали.

в Океане. Но Прахладе удавалось избегать верной гибели, так что можно было подумать, что он приобрел неуязвимость от брата, на самом же деле (в этом никто не сомневался) его охранял Вишну. При этом, зная о ненависти Хираньякашипу, Прахлада, не теряя спокойствия и самообладания, выказывал братскую доброжелательность, чем навлекал на себя большую ярость.

Между тем власть Хираньякашипу приобретала его чудовищное обличие, так что богам пришлось обратиться к Вишну за помощью – ведь им было известно, что ранее Вишну, приняв образ вепря и подняв клыками землю, вытащил ее из первоначальных вод. На этот раз для спасения мира принял он облик человека-льва и, оседлав Гаруду, достиг дворца тирана. Там он проник в медную колонну близ трона и замер в ожидании. Прошло немного времени, и послышались голоса: резкий и крикливый Хираньякашипу, спокойный и уверенный – Прахлады. Вишну прислушался.

– Велик широкоступающий Вишну, – убеждал брата Прахлада со свойственными ему терпением и обстоятельностью. – Тремя своими шагами он обнимает весь мир. У него тысяча обликов и столько же имен. Он проникает во всё...

– Ты говоришь – во всё? – перебил его Хираньякашипу, вспыхнув гневом.

– Конечно, во всё, – убежденно произнес Прахлада. – Вишну во всем, и все в нем.

– А вот в этой колонне его нет! – выкрикнул владыка трех миров, ударяя мечом по металлу.

И тут колонна распалась. Из нее выступил Вишну и растерзал Хираньякашипу когтями.

Стал после этого Прахлада владыкой асуров, могущественных соперников богов. При Хираньякашипу асуры бы-

ли исполнены зла, возгордились, и от них отвернулось счастье. Рудра испепелил три их града, изгнал с неба. Прахлада решил вернуть древнему роду асуров утраченную доброту и мудрость, добиваясь своей цели спокойно, без пыла и жара.

Богам это показалось опасным, ибо чем мудрее и честнее соперник, тем он страшнее. Отложив свою важдру, переодевшись брахманом, явился к Прахладе по поручению богов Индра и попросил у него добродетель, зная, что Прахлада никогда никому ни в чем не отказывает.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.